

Трилогия
в одном
томе

АЛЕКСЕЙ КУДАКОВ

Князь Агренов

Москва, 2017

АЛЕКСЕЙ КУДАКОВ

Трилогия
в одном
томе

- На границе тучи ходят хмуро... •
- Оружейникъ •
- Промышленникъ •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К90

Серия основана в 2005 году
Выпуск 159

Художник
С. А. Григорьев

Кулаков А. И.
К90 Князь Агренов: На границе тучи ходят хмуро...; Оружейникъ;
Промышленникъ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»,
2017. — 858 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2522-8

Россия конца девятнадцатого века. Экономический подъем и развитие промышленности Российской империи соседствуют с нищетой и безграмотностью подавляющей части населения... Какие возможности у обычного подпоручика пограничной стражи из обедневшего княжеского рода в провинциальном Ченстохове? Честно служить и надеяться, что начальство и царь-батюшка его не забудут. Так бы оно и было, но... Вследствие катаклизма наш современник оказался в теле молодого выпускника Первого Павловского военного училища. Как выживет он в мире, который для него чужой? Поплывет ли по течению или воспользуется шансом построить свою жизнь заново?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2522-8

© Кулаков А. И., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

*Посвящается моим любимым женщинам,
маме и жене, — без них книги бы не было.*

● На границе тучи
ходят хмуро...●

ПРОЛОГ

То, что охота не задалась, стало понятно почти сразу. Мелкий дождик прямо-таки шептал: спать, спать... На следующий день ничего не изменилось, но все же, немного подзаправившись «жидким топливом», нестигаемые охотники выдвинулись на поиск какой-нибудь живности. Желательно косуль (на них даже лицензия имелась), но под вечер все согласны были даже на одинокого зайца — тогда было бы чем оправдать целый день бессмысленных шатаний по лесам и полям необъятной родины. Увы! Пришлось (как и всегда) отвести душу на пустых пивных банках и березовых чурбачках. Точку в этих немудреных развлечениях поставила начавшаяся на закате летняя гроза — красивая, с полыханием разрядов на полнеба, громом, от которого закладывало уши, и косыми струями теплого ливня. Все охотники, весело перекрикиваясь, потрусили к палаткам, а один решил снять буйство стихий на цифровик, для чего немного отошел в поле, где и принялся периодически сверкать вспышкой. Последнее, что все запомнили отчетливо, — двойная вспышка со стороны одинокого силуэта, слегка размытого в водяной пыли: маленькая — из его рук и большая, соединившая землю и небо толстым плазменным жгутом. Потом настало время запредельного ЗВУКА, раздирающего тело и сознание... Когда первые, кто очнулся, подбежали поближе в поисках своего товарища, их почти сразу и дружно вывернуло — от густого запаха горелого мяса. Тела никто так и не нашел...

Все, что я почувствовал, — как вспыхнул призрачно-белый свет. И еще вибрацию в теле, такую, что казалось, будто рассыпаюсь на части. Темнота. Мягкая и обволакивающая, она стремилась растворить в себе, размывая любые мысли и желания. Со странным безразличием я просто ждал, но ничего не происходило. Постепенно я начал различать окружающее — стал виден поток черного... света и отдельные мягкие струи в нем, мерцающие множеством разноцветных искорок, иногда окутанных завораживающим и манящим серебристо-синим туманом. Одни искорки покалывали... ласково, что ли? Другие воспринимались как перекрученный клубок стальной проволоки с зазубринами на концах. Как долго

это продолжалось, не знаю. Может, двигался поток, а может, я в нем. Понять было сложно. Постепенно внимание все больше и больше стала привлекать «ласковая» искра. Вот она вспыхнула особенно ярко и тут же затлела тускло-тускло, заслоняя собою все вокруг, незаметно вырастая в размерах, наливаясь силой, настойчиво притягивая и маня к себе, все ближе и ближе. Наконец все окончательно погасло, уступая ее настойчивому сиянию, вспышка и сразу следом — тьма...

ГЛАВА 1

Боль. Она жгучим огнем разорвала покой души и принесла ощущение жизни. Все пять чувств корчились от нее, вымывая из разума равнодушие — по капле, струйкой, полноводной рекой... После пришел черед Хлада, и от него трясло так, что даже ослепляющие вспышки света во тьме были не сразу осознаны. Но постепенно они стали восприниматься как... пощечины? С громыхающим скрежетом вернулся слух, и из размыто-серой пелены сразу прошелся напильником по нервам слегка «плавающий» голос:

— Юнкер? Вы меня слышите? Гм?

— Агхкхха... Гэ а?

— О! Он пришел в сознание, господин штабс-капитан!

— Благодарю вас, я это заметил.

Новый голос был гораздо глуше первого.

— Юнкер Агренов, вы слышите меня? Как вы себя чувствуете?

— Доктор, позвольте заметить — корнет Агренов!

— Для меня он прежде всего пациент, а все прочее...

Голоса отдалились, и мягко подступившая, ласковая темнота укутала собою сознание, унеся его в беспмятство.

Он пришел в себя, как будто всплыл из толщи воды к солнцу и небу: плавно, мягко и немного растянуто по времени. Первое, что увидел, — это потолок. Грубо побеленный, в мелких трещинках — и взгляд тут же зацепился за одну из них, помогая прийти в себя. Постепенно возникло понимание: живой!!! Руки, ноги — все на месте и цело! Тело, правда, ломает так, как будто вагон с углем разгрузил. Слабой, словно чужой рукой провел по себе в поисках ожогов или ран... и... и... и хрипло каркнул:

— Похоже, крыша все же улетела!!

Правду говорят: утро оказалось заметно лучше вечера. Чужая память, а вернее, обрывки и куски ее, воспринималась теперь как собственная. К сожалению, информации крайне не хватало — но лучше хоть что-то, чем совсем ничего.

«Итак, что мы имеем?»

Вчера у юнкера Агренева был торжественный выпуск из Павловского военного училища и построение-парад по случаю получения первого офицерского чина — в высочайшем присутствии. Яркое солнце, звуки оркестра, нереально сочные цвета — и над всем этим гремит сильный голос... ага, начальника училища? Хм, может, и нет, но бывший хозяин тела явно трепетал перед его обладателем.

— Князь, поздравляю вас корнетом!

«Нормально, я еще, оказывается, и аристократ!»

— Благодарю вас, ваше...

На этом фильм-воспоминание резко оборвался, напоследок одавив слабым отголоском боли в висках. Отсортировав то, что осталось, он не смог даже определить, как его — м-да!.. — теперь звать-величать, то есть собственное имя и отчество. А когда-то звали Лейней-Леонидом...

«А значит, что? Остается всем и каждому поведать о моей... гм... амнезии! И валить подальше от всех, кто знал меня прежнего, подальше и побыстрее. Потому как я сегодня не такой, как вчера, — и сильно не такой».

От размышлений отвлекло сильное желание посетить... сортир, как подсказала ново-старая память. Блин!!! Ну просто день открытий, чтоб их! Тело заметно «тормозило», как будто передвигалось под водой. Шаркнув ногой под койкой, он тут же выпнул наружу эмалированный тазик знакомой формы — утка обыкновенная, медицинская.

«А жизнь-то, похоже, налаживается, а?»

ГЛАВА 2

Отныне и навсегда он — князь Агренов, Александр Яковлевич. После завершения торжеств по случаю окончания славного Первого Павловского военного училища, расположенного в не менее славном городе Санкт-Петербурге, он был найден без сознания на полу рядом со своей койкой в казарме. Попытки привести в чувство успеха не имели, и безвольную тушку «обессилевшего от эмоций» князя на руках перенесли в лазарет училища, где он и провалялся пять дней, пока не пришел в сознание. Товарищи по учебе уже разъехались наслаждаться месячным отпуском, наставники большей частью тоже, на освободившиеся койки выпускников уже (и с немалым энтузиазмом) переселились довольные и счастливые бывшие первокурсники... перед тем как отбыть на сборы в Красносельский летний лагерь. Сейчас начало июня, и вообще, бедный он, несчастный сиротинушка... Последнее утверждение есть натуральный факт. Матушка умерла через три года после его рождения, а отец преставился пять лет

назад (но и до этого не баловал вниманием единственного сына). Так что юнкер Агреев всю свою сознательную жизнь жил и учился на казенном коште — то бишь на полном государственном обеспечении. Ко всему еще имел вполне заслуженную репутацию рохли и зубрилы, вежливо-предупредительного с учителями и курсовыми офицерами, но нелюдимого со сверстниками.

Все это удалось узнать из рассказов появившейся «сиделки-говорилки», то есть Старшего Лазаретного Служителя (только так, и желательнее все с большой буквы), представившегося Николаем Исааковичем. Он читал для развлечения (явно своего) нотации третий час подряд. У-у-у-у!!! Когда «больной» уже решил было: все — умираю! — разговорчивого дядю позвали. Но! Оказалось, что радоваться было рано. Стоя в дверном проеме, Старший Лазаретный Садист... то есть конечно же — Служитель, просто раздавил своим обещанием вернуться поскорее, чтобы и дальше развлекать князя интересной и поучительной беседой:

— Конечно, если вы не будете спать, Александр!!!

«Да я и рад бы, но увы...»

Пока этот г... говорил — в сон клонило неимоверно. А только ушел, и сонливость мигом исчезла. Хотелось смеяться, прыгать и вообще... тело просило движения. Радость омрачало только одно обстоятельство: странные рефлексy, доставшиеся ему в наследство. Мало того, что все движения были уж очень «задумчивыми», так еще и выразить свое удивление посредством крепких выражений ну никак не удавалось! Уже на втором-третьем слове губы и язык словно замораживало, а мышцы лица немели. Хорошо еще, что хотя бы про себя можно было облегчить душу. Встал, походил по комнатушке, набил немножко синяков — поочередно о тумбочку, койку и подоконник, проведаль утку (по размеру больше похожую на тазик), прилег и незаметно как-то взял да и заснул.

Утром его разбудили в несусветную рань, и только для того, чтобы поинтересоваться: а не желает ли больной чего-нибудь? Так как спросонья вместо слов наружу просился только мат, то и получилось, что не хочется ничего — раз уж промолчал. Опять заснуть не удалось, поэтому Александр с раздражением встал, походил, умылся-облегчился и от скуки решил поработать над координацией. Именно поэтому, когда в палату зашел (и ведь даже не постучал перед этим, зараза) Николай Исаакович, он с удивлением и негодованием обнаружил, что больной грубо нарушает распорядок. Вместо того чтобы смиренно лежать на койке в ожидании обхода и энергично стонать, пациент старательно махал руками и ногами, разминаясь, да еще и песенку какую-то напевал! Неодобрительно поджав губы, Старший Лазаретный Служитель изволил сделать замечание:

— Вам следует лечь в койку, Александр! Завтрак будет только после осмотра...

И, уже обращаясь к кому-то снаружи, попытался приветливо улыбнуться:

— Прошу вас, Полиевкт Харлампович!

«Одуреть что за имя».

Вошедший мужинка лет пятидесяти-шестидесяти, в коричневом сюртуке, с накинутой поверх него серовато-белой накидкой, сразу начал вежливо-приторно улыбаться.

— Ну-с, как ваше самочувствие?

— Благодарю... доктор, хорошее.

— Где-нибудь болит? Голова, живот? Нет?!

— Нет, ничего такого.

— Что с вами приключилось, не помните?

— Вообще ничего, доктор.

— Хм. Ну что же, давайте, голубчик, я вас осмотрю.

После стандартного осмотра — язык, глаза, уши, послушать сердца, посчитать пульс — и все это со значительным и глубокомысленным видом (а то как же, такое светило медицины), доктор, а скорее всего, простой медик, призадумался, мучительно решая: лечить пациента, и если да — то от чего?

— Ну, я думаю... что... все плохое уже позади, гм-гм. Нервический припадок, видимо. Да-с. Покамест еще немного полежите, мало ли? Да-с. А утром я вас еще напоследок осмотрю и... Кхм, да. Николай Исаакович, продолжим обход.

Минут через пять появился Служитель с долгожданным завтраком. Черт!

«Все-таки у всех больниц есть что-то общее. Там пичкали овсянкой — и здесь она родимая. На обед, видимо, будет пшенная каша с рыбной котлетой. Ничего, переживу, а вернее — пережую».

К счастью, был еще и сладкий чай с парой кусков белого душистого хлеба. И на обед с ужином тоже.

«Если тут больных так рано будят, во сколько же здоровые подсакивают?!»

За окном было еще темно, когда его растолкал бодрый старичок, благоухающий легким ароматом перегара.

— А?

— Вашбродь, пожалте освежиться.

— ?!

Жестяной тазик-купель, ведро с теплой водой и полотенце уже привычно сероватого оттенка — одним словом, местный заменитель душа.

Только ушел лазаретный служба — тут же появился господин доктор.

— Ну-с? Как вы себя сегодня чувствуете?

— Спасибо, гораздо лучше, чем вчера.

— Похвально, похвально. Встаньте. Повернитесь. Так, прошу вот сюда, поближе к свету. Ну что же, могу вас порадовать, голубчик, вы полностью здоровы. Да-с! Того, что с вами приключилось, вам стыдиться не следует, поверьте. Все-таки выпуск из Павловского — это... э... не рядовое событие. Да-с. Гха. Э... да. Таким вот образом. Так что после завтрака вы можете покинуть лазарет, да-с.

— Благодарю вас, Полиевкт Харлампиевич!

— Ну что вы, голубчик, право же, это пустяки.

Завтрак молча принесли, молча плюхнули деревянный поднос на прикроватную тумбочку и так же молча удалились. Сервис, однако! Едва он захихнул в себя неопознанную размазную с тарелки и прополоскал рот чаем, тут же доставили одежду.

«Под дверью, что ли, стояли да прислушивались?»

Белая рубаха-куртка и темно-зеленые штаны. Тесноватая бескомфортная сапоги, начищенные и натертые так, что нужда в зеркале отпала. Ремень опоясал талию. Руки делали все сами, без участия разума. Легкий мандраж растворился в нахлынувшем безразличии.

— Веди.

Служка, подскочив (задремал, наверное), вытянулся как мог:

— Слушаюсь!

Шагая за шустро ковыляющим дедком, бывший пациент попутно рассматривал лазарет: окрашенный желтой краской деревянный пол, бежевая — на стенах, а все остальное — в грубой известковой побелке, даже откосы на окнах. Непонятный кислый запах повсюду и полная тишина, отчего их шаги звучали особенно громко.

«Чистенько и бедненько, нда».

Пара длинных коридоров, узкая и крутая лестница без перил — и в глаза ударил яркий свет утреннего солнышка.

— Благодарю.

— Рад стараться! Велено напомнить: вас ждут в канцелярии!

«Чем раньше отсюда исчезну, тем для меня лучше будет. Ага, вроде туда надо?»

Угрюмо-серое двухэтажное здание напротив лазарета и впрямь оказалось канцелярией — навстречу попались двое письмоводителей и важный господин с пухлой папкой в руках, подсказавший, куда пройти.

— Корнет князь Агренов, Александр Яковлевич?

Мелкий (по внешнему виду) чиновник изобразил полное равнодушие и вселенскую скуку.

«Это как там, по-уставному?»

— Так точно.

— Все давно готово. Попрошу расписаться: с вас вычет за порчу казенного имущества. Это я про те царапины на винтовке Бердана. И здесь. И в этом ордерочке. Вот ваши бумаги и предписание!

На стол перед бывшим (теперь уже точно) юнкером небрежно кинули большой толстый конверт.

— Вам следует поспешить, господин казначей будет присутствовать еще час, не более.

Выяснив, где тот сидит, корнет энергично двинулся за денежкой. Побольше бы таких сюрпризов — или почаще!

Казначей в чине надворного советника (работает автопилот-то!) при виде Александра недовольно скривился, но без проволочек выдал, три раза перед этим пересчитав, аж двести рублей — и тут же стал демонстрировать, как он занят. То есть шуршать бумагами, переставлять чернильницу на столе и все такое в том же духе.

«Ну-ну, какой артист пропадает. Практически никакой. Так! Как бы еще до своей комнаты добраться. Значит, медленно, можно сказать, печально и присматриваясь к окружающим — а на месте что-нибудь соображу. Надеюсь».

Увы, автопилот поломался на подходе к... Казармой ЭТО обзывать было нельзя — уж очень сильно мешал веселенький лиловый цвет стен и ухоженные, пышные клумбы с цветами на входе. Помогла наглость — она же, как известно, второе счастье. Наглость и дежуривший на входе нестроевик. Вежливо кивнув в ответ на приветствие, Александр добродушно улыбнулся:

— Не заняли еще мою обитель?

— Никак нет, ваше благородие!

— Да ладно, не тямись. Второй курс?

— Разъехался. Два дня еще тому.

— И где теперь мои вещи?

— У господина фельдфебеля на сохранении.

— А где его найти?

— Ну... у себя должен быть.

Подарив оставшемуся безымянным вахтеру на прощание армейскую мудрость всех времен и народов о том, что «солдат спит, а служба идет», князь отправился в фельдфебельские апартаменты. Уверенным шагом, неспешно и с некоторой ленцой. Стараясь при этом не напрягаться слишком уж сильно при виде очередного встречного солдата-нестроевика с тряпкой или метелкой в руках и не забывать отмахивать им приветствие. Хранитель его вещей был немногословен. Указав номер двери и уверив, что все вещи в целостности и сохранности (тумбочку так прямо от койки забрали, не заглядывая), фельдфебель небрежно козырнул напоследок и резво отбыл в неизвестном направлении — терроризировать подчиненных. Добравшись до заветной две-

ри, Александр слегка удивился. Она была на надежном запоре в виде громадного и явно чугунного шпингалета.

«Да. До люкса далеко. Но все же лучше, чем в больничке. А нет, не лучше...»

Комната хоть и была просторнее, но имела небольшой недостаток — или несомненное достоинство, кому как. Ее стены на полметра не доходили до потолка, позволяя легко общаться с соседями или подсматривать. Впрочем, до последнего тут наверняка еще не доросли. Кровать, рядом его тумбочка, маленький стол, кривоватый стул. У входа громоздится немаленький и сильно рассохшийся шкаф, рядом на стене — узкое зеркальце. Дом, милый дом. Бросив конверт на стол, к лежащей там стопочке книг, он завалился на койку. Уф, устал!!! Мыслей не было никаких. Вроде и надо бы удивляться, паниковать, строить планы, всячески суетиться — но все это заслонило собою угнездившееся в глубине души равнодушие. Лениво текли мысли:

«Как все странно. Может, с ума сошел? Такие реальные глюки. Последнее, что помню, — грозное небо. А потом что?»

От попыток хоть что-то прояснить жутко разболелась голова, резко, неожиданно.

—!!!

Кто-то ойкнул за дверью и с громким топотом убежал. А ярость... Ярость прошла так же быстро, как и появилась, забрав с собой и равнодушный настрой.

«Поживем — увидим».

Присев за стол, он стал потрошить конверт — что там у нас? Офицерская книжка, хех, предтеча военного билета. Новенькая, типографской краской пахнет. Дальше. О! Предписание!!! Любопытно, любопытно...

«Корнету князю Агрневу. Получением сего явиться к месту службы: Царство Польское, третий Варшавский округ, Келецкая губерния, штаб 14-й Ченстоховской бригады, не позднее первого июля сего года».

Неразборчивая подпись на полстраницы и скромная блямба синей печати.

«Опа! Царство Польское? Непонятно... и по времени — я опаздываю или можно не торопиться? А год-то какой?! Что-то подсказки нету. Так, посмотрим в военном, то есть в офицерской книжке. Ага. Одна тышша восемьсот восемьдесят шестой. О как! А родился я... в шестьдесят восьмом. Восемнадцать, значит».

Третий Варшавский округ. Хм! Непонятно откуда появилась твердая уверенность — пограничники.

«Опять автопилот шалит? Ладно, мелочи. Пограницы — это очень даже неплохой вариант, обычная пехота была бы куда хуже. Или,

упаси господи, кавалерия или артиллерия — я ж там ни в зуб ногой. О службе в ВМФ даже думать страшно! Пограничники. Видимо, поэтому и корнетом записан. Да уж. Вот интересно: учебную программу училища... как там его... ах да — Павловского, помню отлично, а когда у тела день рождения — нет?! Смотрим в офицерскую книжку и... зимой, значит? Тоже неплохо. В плюстик пойдет еще и место службы — там меня никто не знает, а следовательно, и не заинтересуется, почему это поведение и манера общения юнкера... нда, корнета... корнета князя Агренева так сильно и резко изменились. А через годик-два на все вопросы будет железная отговорка: все течет, все меняется! Ладно, что там далее? Хм, билет на поезд Петербург—Варшава. Мило, очень мило. Хотелось бы надеяться, что достанется купе, а не плацкарт. Или его тут еще не изобрели? Время отправления — шесть часов пополудни, первый перрон, открытый билет сроком на месяц. Не понял. Пополудни — это как? Ах, это восемнадцать часов! Тогда время еще есть, успею».

Что еще? Его внезапно осенило — текст! Все написано с ятями и всяческими завитушками, он же спокойно все читает. А написать? Чернил или карандаша под рукой не было, но они бы и не потребовались — появилась вдруг твердая уверенность, что и с этим делом все в порядке.

«А ну-ка! Кто нынче на троне?! Опа, знаю. Его императорское величество Александр Третий. Ее императорское величество Мария Федоровна-младшая... Цесаревичем недавно объявлен Николай. Вот блин! Ладно, потом разберемся, главное, чтобы оно было — это самое потом».

Быстрый взгляд на листок принес очередной поднадоевший сюрприз — милого Сашеньку поздравляли с окончанием, всемерно гордились, от всей души желали и надеялись... ага, конечно, оправдает, а как же иначе? И не забудет, угу. О, самое интересное — подпись: «любящая тебя тетя Татьяна Львовна». А говорили, что сирота. Обманули, сволочи! Подальше, подальше от неожиданно появившейся родни, а письмецо отложить до времени подходящего, ради адреса обратного — вдруг пригодится? Обыск-осмотр комнаты начался со стола: а что это там такое интересное в стопочке лежит?

«Военная топология» — точно пригодится.

«Риторика» — уж наверно обойдусь как-нибудь.

«Закон Божий» — пожалуй, присоединим к «Риторике».

Две истрепанные тетрадки с конспектами, видимо, важных лекций легли на толстый томик «Топологии» — для возможного, но необязательного ознакомления с образцами почерка «донора»: как-нибудь полистает на досуге, сверит-проверит изменения. Ревизия в тумбочке дала следующие результаты, вернее — предметы: сильно истрепанную зубную щетку с невероятно жесткой щетиной, полупу-

стю жестяную баночку с зубным порошком (судя по запаху — мятным), расческу с наполовину обломавшимися зубьями, маленький перочинный нож и темно коричневый обмылок. В самом дальнем углке нашлась опасная бритва в замызганном кожаном чехольчике — но ничего так, целая, и даже марки «Золинген».

«Вроде бриться пока не надо. Память о ком-то, наверное. Неужели об отце?»

Оставленный на десерт двухстворчатый платяной шкаф сразу оправдал все ожидания. Все, как и полагается нормальному дембелю из военного училища: парадно-выходной офицерский мундир, полевой мундир, еще какой-то там мундир. От души наполированные «хромовые» сапоги, кожаная португеза, офицерская шашка, ремень... и кобура! Ух-х! Не пустая!!! Парадка полетела на койку вместе с шашкой в ножнах, а в руке у Александра засиял большой револьвер с длинным стволом. Он сразу проверил барабан (увы, пуст) и всласть повертел оружие в руках, рассматривая и изучая. Первой обнаружилась выбитая на стволе надпись «Смитъ-Вессонъ Русскій. 4,2 линій». Потом на рукояти — 1885, а с другой стороны — аккуратное клеймо завода-изготовителя.

«Хорошая игрушка! Увесистый, явно больше килограмма, но в руку лег хорошо. И самовзвод, увы, отсутствует, а... спуск легкий. Так! А патроны?! Нету!».

Со вздохом сожаления он вернул револьвер в кобуру и вернулся к содержимому шкафа.

«Тоже парадка, но юнкерская. Бриджи, две сорочки. Ха — подштанники! Фуражка от парадно-выходного мундира, бескозырка к форме юнкера, полотенце... из брезента, что ль? Всякая мелочь вроде носков, платков и перчаток, вакса с щеткой энд тряпочкой-бархоткой, кусок бечевки — повеситься, наверное, хотел?»

Разочаровал большой чемоданище, весьма потрепанного вида — своей пустотой.

«Похоже, что все?»

Пяток минут помедитировав на вновь извлеченный из кобуры «вессон», корнет принялся не спеша переодеваться. Свежее исподнее, бриджи, белопенная сорочка, сапоги.

«Слегка сменил, хе-хе, имидж, а уже чувствую себя совсем другим человеком».

Мысль эта так рассмешила Александра, что успокоиться удалось только минут через десять, когда заломило затылок и заболели скулы — от передозировки смеха. Плотно упаковал в чемодан мундиры и все, что выглядело более-менее ценным (не влезли только новенькие брюки от юнкерской «повседневки»). Подумав, все же выложил потрепанный китель, потому как штаны уж точно пригодятся, а куда ему, ныне корнету, удастся пойти в стареньком юнкерском кительке

с вензелями Павловского военного? Решив напоследок, что не дело оставлять все валяться в беспорядке, он стал убирать лишнее на полки опустевшего шкафа. В ходе же процесса нечаянно пнул, по касательной, старый исцарапанный сапог — и сильно удивился.

«Чего там, стелька из чугуна, что ли? Точно, тайничок! Платок, завязан узелком. Ага, деньги! Сорок пя... пятьдесят пять рублей. И не мелочь, и приятно! Надо же, какие люди вокруг честные. Встречу фельдфебеля, рубль задарю. Дальше что? Вот навязал-то узлов, а? Часы. Серебряные. Гвозди ими забивали, и наверняка, потому что мимоходом не получится так качественно помять да исцарапать. Хм, тикать начали, значит, живы. А что у нас в правом? Зашибись, наконец-то патроны!!! Девять, пятнадцать... восемнадцать! Ну вацще, просто праздник какой-то!»

Надел мундир, утянулся портупеей (но в меру, без фанатизма), поправил перекосившиеся слегка ножны с режиком-переростком. Вложил в кобуру уже заряженный «смит-вессон» и со вздохом сожаления спрятал в чемодан, натянул перчатки, руки автоматом привычно проверили форму на складки. В зеркальце отразился бравый и очень юный офицерик, выглядевший немного моложе своих восемнадцати лет — зелень, одним словом. Не высокий и не низкий, с нежной кожей лица, подходящей более девице, чем молодому мужчине, блондин... Внешность настоящего арийца портили только глаза с радужкой невнятно-светлого, неопределенного цвета: то ли зеленые, то ли серые, может, синие, не понять толком — одним словом, мутные. И все равно настроение это не испортило.

«Кем бы ты ни был, мой предшественник, — спасибо тебе».

ГЛАВА 3

Присев на дорожку, тут же услышал тихий шорох за дверью.

«Нестроевики? Впрочем, какая разница — больше я сюда не вернусь».

Проверив перед зеркалом, достаточно ли у него суровый вид, князь подхватил неожиданно легкий чемодан. Вышел и, не обращая больше никакого внимания на «обслуживающий персонал», пошел на выход, по дороге старательно накачивая себя до нужного состояния.

«Я спокоен, я спокоен, я спокоен...»

Сильно стараться не пришлось — моментально вернулось ледяное безразличие, отодвинувшее на задний план все его переживания. Уже подзабытый Хлад.

Ефрейтор Мережков привычно скучал на посту. Пока не было курсового офицера, можно было поболтать с проходящими мимо

товарищами, немного пройтись, чтобы размять ноги. Но на добровольное дежурство заступил штабс-капитан Хромов, и об этом осталось только мечтать. Потихоньку, а то и это заметит! Ничего не оставалось, как, замерев неподвижно, стоять и гадать, когда закончится его время. Скорей бы.

— Происшествия были, ефрейтор?

— Никак нет, ваше благородие!

— Все на месте?

— Так точно. Семь человек в увольнительной до вечера, остальные все в наличии!

— А как обстоят дела с...

Свой вопрос господин штабс-капитан так и не задал полностью, так как он услышал невозможное. Да что там — невероятное! По всей территории прославленного Первого Павловского военного училища разрешалось передвигаться только тихим шагом, не топя и не торопясь. Исключение было только одно — строевая подготовка у юнкеров. Вот тогда, наоборот, требовали (и добивались!) чеканных, отточенных движений, при которых любой шаг был слышен далеко вокруг, а стекла в окнах мелко дрожали. А тут! Да еще, похоже, и подковки набиты!

— Это кто это у нас такой?!

Фразу-вопрос, увы, тоже не удалось закончить. По мраморной лестнице со второго (жилого) этажа к ним спускался... И опытный офицер Хромов, и немало послуживший и повидавший ефрейтор одновременно и неосознанно начали разглаживать несуществующие складки и морщинки на своей форме, что вообще-то полагалось делать только при виде действительно большого начальства. Начальника училища, генерал-лейтенанта Акимова Василия Петровича например. Приближавшийся же к ним офицер был в чине всего лишь корнета, но от него буквально разило властностью и уверенностью в себе. Подойдя ближе, офицер слегка повернул голову (у штабс-капитана в тот момент возникли ассоциации с корабельной башней главного калибра, выскивающей себе жертву по вкусу), что-то негромко проговорил и прошествовал далее. Первым в себя пришел Мережков, офицер хапнул впечатлений гораздо больше.

— Это... Ефрейтор, вы случайно не знаете, кто сейчас мимо нас прошел?

— Так точно, ваше благородие! Корнет князь Агренов!

— Да не может того быть! Неужели он? А не путаешь ничего?

— Никак нет, ваше благородие! Он мимо меня два часа назад прошел, сказал, собираться.

— Как же я его не узнал? Да уж. А ведь главный тихоня на своем курсе. Был. Вот что, ефрейтор, о случившемся молчать!

— Так точно!

— Не так громко. И... свободен на сегодня.

Проходя мимо появившегося на вахте офицера-наставника, Александр не забыл проявить вежливость:

— Всего хорошего, господа.

Подойдя к кованым воротам с гербом ПВУ над ними, молодой человек встал, всматриваясь через решетку в незнакомый город.

«В Ленинграде когда-то был проездом. Вокзал наверняка стоит на том же месте, и Зимний дворец. Еще Адмиралтейство — и все, больше ничего и не помню. А, и этого за глаза хватит! Если что — спросу у прохожих, язык не отвалится».

Подскочившие караульные истолковали заминку по-своему. Двое бросились открывать во всю ширь ворота, а третий подбежал поближе и, вытянувшись, как полагается, громко рявкнул:

— Поздравляю получением первого чина, ваше благородие! Разрешите принять поклажу?

— ?!

Очередная порция откровений-воспоминаний подоспела вовремя, не позволив оплошать. Чемодан можно было смело отдавать: доставят на вокзал в камеру краткого хранения и выдадут по предъявлении билета с офицерской книжкой.

«Какой продвинутый сервис, однако».

— Вольно, бери. — И напоследок, совсем тихо и сразу всем троим: — Спасибо.

Не успел отойти от ограды, как к офицеру кинулся неопрятно (и небогато) одетый человечек:

— Куда прикажете доставить, ваше благородие?

«Так это таксист? Извозчик то есть. На сто процентов — предок столичных водил-бомбил. Судя по напористости и наглости, конкретно тех, что пасутся рядом с аэропортами и вокзалами».

— Отвали!

— Э, виноват, ваше благородие, не расслышал.

Покосившись на караул, Александр решил не выделяться и быть попроще:

— Пшел вон.

— Ну как же так, ваше благородие? Рази можно ж вам — и пехом?

— Мне все можно.

«А еще сомневался. Они и через сто лет не изменятся».

По брусчатой мостовой идти было необычно. Приходилось внимательно смотреть под ноги и при ходьбе задирать их немного больше вверх, чем обычно, — иначе сапоги обязательно цеплялись за какой-нибудь выступ или щербинку. Приноровиться удалось не скоро, потому как на пути попадались и лужи, и конский навоз, да еще чертова железяка в ножнах! Справедливости ради нужно отметить, что отходов от четвероногого транспорта было немного — он крайне опе-

ративно убирался расторопными дворниками. Как на подбор здоровенными, бородатыми мужиками в форменном фартуке и с обязательной номерной бляхой на груди.

«Не враль старые фильмы. Вернее, костюмеры и реквизиторы, одевавшие в них актеров».

Минут через десять он дворников узнавал легко и с большого расстояния. А вон на перекрестке городской стоит: суровый взгляд, шикарные усы, китель из небеленого полотна, синие шаровары. Вроде у них к шашке еще и револьвер прилагается? Прохожие все одеты в одежду темных тонов, и никто никуда не торопится.

«А вот, кстати, который сейчас час?»

Повертев головой по сторонам и не обнаружив ни одного циферблата, он слегка забеспокоился: опоздает на поезд, ночевать придется непонятно где, может, даже и на улице — а этого очень не хотелось бы.

— Черт!

Попытка остановить прохожего и поинтересоваться временем не удалась — у первого часов не оказалось, второй безразлично пожал плечами, продолжая идти мимо, а уже третий поглядел с опаской и просто обошел его по большой дуге.

— Здравия желаю, вашбродь!

Только остатки безразличия не дали Александру подпрыгнуть или вздрогнуть — до того незаметно у него за спиной оказался городской.

— И вам того же.

— Могу ли я чем-то помочь вашему благородию?

— Да вот, заплутал слегка. Подскажите, пожалуйста, как добратся до вокзала?

«По ходу что-то не то брякнул, иначе с чего ему так удивляться? Не докопался бы».

Вместо ответа блюстителю порядка и законности резко свистнул, останавливая новенький фаэтон с щегольски одетым извозчиком за «рулем», и коротко назвал ему пункт назначения.

— Вот, доставит в лучшем виде.

— Благодарю. Еще не подскажите, который нынче час?

Даже не достав часы, урядник тут же ответил:

— Четверть пятого, вашбродь!

— Еще раз благодарю, всего хорошего...

Поглядывая по сторонам на проносящиеся мимо виды, корнет не без интереса прикидывал: удастся ли еще побывать в этом городе? То и дело взгляд цеплялся за витрины с заковырыстыми вывесками: «Салонъ мадам Блюмбергъ», «Галантерея Трифионовъ и сынъ», «Ресторация Золотой Карпъ»... Вывески банков и многочисленных контор, афиши, разнообразно украшенные дома — все это вызывало

определенный интерес и — опаску. Он здесь чужой (пока, а там посмотрим), значит, чем дальше от столицы, тем спокойнее.

Извозчик, получив в руки самую мелкую из оказавшихся под рукой ассигнацию достоинством в три рубля, долго мялся, жался и наконец виновато покаялся:

— Вашество, прощения просим, только нету у меня сдачи столько... Сей момент сбегаю, разменяю.

— А? Иди-иди, я подожду.

Александр во все глаза смотрел надвигающийся паровоз: закопченная труба, клубы пара... машущий зеленым флажком путеец в форменной тужурке, суетящиеся носильщики с большими посверкивающими бляхами на груди, важный городской, стоящий на небольшом возвышении. Чисто, несуетливо, малоллюдно. Еще и тихо... относительно, разумеется: басовитое пыхтение паровоза и легкий гул встречающих-провожающих все же куда не делись.

«Неужели все это реально?»

К жизни вернули две вещи. Довольный извозчик (уж наверняка не прогадал), запыхавшись, подбежал и вывалил на ладонь кучу липких медяков. И заурчавший от голода живот, оперативно отреагировавший на вид аппетитно жующего что-то явно очень вкусное человека в расположенном невдалеке летнем кафе.

Быстренько уладив все формальности в кассах и камере хранения, князь едва ли не бегом отправился в кафешку: живот уже не бурчал, а ревел, требуя срочно в него что-то закинуть — желательного хорошо прожаренного.

— Чего изволите-с?

— Отобедать у вас можно?

— Увы-с, только легкие напитки-с и закуски к ним.

Официант был искренне расстроен — а вдруг клиент уйдет? И чаевые с ним...

— А что за закуски?

— Осетринка, балычок, мясо разное, горячее... сыр... пирожные всякие, блины, икра паюсная...

«Я сейчас слюной захлебнусь! Или в обморок упаду, ненадолго. Как раз лицом в икру».

— Блинов неси и закуску мясную.

— Что будете пить?

— Лимонад есть? Вот его и буду.

— Сей момент, все исполним.

Наелся так, что едва смог встать из-за стола. Попутно понял радость извозчика — он оставил себе двугривенный, а все, что съелось и понадкусывалось, обошлось в сорок копеек, да пятак чаевых официанту. При том, что порции такие, что лопнуть можно.

«Как же тут выпивают, если столько закуси треба? Или это для меня так расстарались?»

Посадка в вагон прошла буднично и серо: подошел, показал билет кондуктору, пропустил вперед носильщика с чемоданом и занял просторное купе. Когда состав тронулся, отдал на проверку билет все тому же кондуктору, отказался от чая, свежей газеты (как она может быть свежей в шесть часов вечера?!) и, дождавшись, пока за окном потянулись сельские пейзажи, завалился спать. Убаюканный мерным покачиванием вагона, он напоследок поразился:

«Хорошо, что в купе один еду-уу!»

ГЛАВА 4

Проснулся под вечер следующего дня.

«Неплохо я придавил — почти сутки. Чего тихо-то так? А, стоим».

По-быстрому решив вопрос с гигиеной и туалетом, Александр выяснил у кондуктора время до начала движения и легкой рысью двинулся на поиски станционного буфета. Должен же он тут быть? Ожидания его не обманули: был, только не буфет, а маленький ресторанчик, и наплыва посетителей в нем не наблюдалось.

«Мне начинает нравиться новая жизнь».

— Чего изволите?

— Ужин. Поплотнее. И чего-нибудь с собою в дорогу — чтобы до Варшавы хватило.

— Будет сделано.

Такое впечатление, что ждали именно его. Труженик подноса и салфетки даже с места не сдвинулся: звонкий шелчок пальцами, быстрый жест, и на столе стали появляться тарелки, затем наполовину полный бокал с... вином, видимо, и на отдельном месте — чашечка чаю в комплекте с полупрозрачным ломтиком лимона¹. Минут через десять сосредоточенного жора пришло понимание — погорячился. Сильно.

«Жаба задавит, если все не съем. А ведь задавит, точно. Что тут за порции такие, сразу трем впору. Блин! Жалко оставлять-то! И с собой не забрать. Вот тут точно — все надкусаю, чтобы не так обидно было».

Отвалившись от стола, князь утер трудовой пот накрахмаленной салфеткой и кивнул ожидающему невдалеке официанту.

— Прикажете рассчитать?

¹ Впервые в истории класть лимон в чай стали в России в 1880 гт. Мода эта распространялась через трактиры и рестораны. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Пожалуй.

Для приличия глянув в блокнотик, халдей скороговоркой протрещал:

— С вас два рубля с полтиною!

Офицер кинул на стол еще одну трешку, но в последний момент по улыбки официанта отчетливо понял — сдачи ждать не следует. И вдруг так захотелось проявить бережливость, просто жуть.

«Ну-ну, рано радуешься!»

— Ах да, еще бутылку легкого вина и какое-нибудь пирожное с собой. Это возможно?

— Разумеется...

Слегка поубавивший радушие официант через минуту вернулся с одним большим и одним маленьким пакетами в руках.

В купе корнет свалил всю свою добычу на столик и первым делом проверил, все ли вещи на месте. Вспоминая прошедшие дни, Александр решил, что нигде по-крупному не ошибся, ну а мелочи спишут на последствия обморока. Медик сказал, что нервического припадка. Знать бы еще, что это такое? Ладно, не важно. Прикинем, что ждет дальше?

«Ченстохов, штаб бригады. Примут меня там, как молодого специалиста. То есть: подай, принеси, сбегай, спасибо, пошел на фиг! Образно, конечно, но так и будет, без сомнений. Радует, что не рядовым еду служить. Нда. Следовательно, выделяться не будем, начальство разочаровывать тоже. Кого ожидают, того и должны получить. Это первое. Надо срочно учиться общаться с окружающим миром, накатывающее равнодушие начинает сильно беспокоить. Это второе. Ну и третье, напоследок. Я же вообще не знаю, как управлять взводом!»

От таких оптимистичных мыслей разболелась голова, а еще, как бонус к дергающей боли в висках, начало покалывать в глазах. Забыться удалось с трудом и только под утро. Боль не ушла и на следующий день. И на следующий. Прошла только на третий, но кое-что после себя все же оставила. Память. Хороший такой кусочек переживаний, эмоций, надежд...

Свежеиспеченный корнет князь Агренов действительно оказался «ботаником» — классическим таким, образцовым, почти эталоном для других. Вечно не второй даже, а третий, с кучей комплексов, застенчивый и мечтательный до ужаса. Очень переживающий из-за того, что он до крайности беден и вечно на казенке. Папенька, не оставивший в ново-старой памяти даже малейшего образа, никогда не злоупотреблял чрезмерным общением со своим единственным отпрыском. Если верить обрывкам памяти, так папуля вообще не помнил о том, что у него есть наследник. И умер от обильно систематических возлияний, оставив после себя на удивление много долгов и

трехкратно перезаложенное по закладным, основательно, можно сказать — старательно, запущенное поместье. Поместье продали, долги погасили, а сироту... его почти сразу взяла на попечение сестра матери, та самая Татьяна Львовна, и с пяти лет растила вместе со своей дочкой. Мама, мамочка... В памяти остались размытые образы: светлый силуэт, теплые руки, родной голос. Маленький светлый уголок в черной тьме отчаяния — слишком маленький уголок, увы. Учеба в Александровском кадетском корпусе и постоянные насмешки сверстников, отсутствие друзей и первые комплексы. Золотая медаль как лучшему ученику, поступление в Павловское военное училище, иступленная учеба — и все те же насмешки, насмешки, насмешки... Да, он князь. Древнего рода. Рюрикович!¹ Вот только нищий и бессильно терпящий ехидные замечания и незлые вроде шуточки почти от всех вокруг. Последней каплей стала беседа со старшим наставником — единственным, кому он хотя бы немного открылся.

— Несмотря на... кхм... твои обстоятельства, Саша, я верю, что ты... э... станешь достойным человеком и хорошим офицером. В обычных полках тебе делать карьеру будет затруднительно, а между тем, служа на границе, ты бы мог устроить свою судьбу наилучшим образом — поверь мне, Саша, я знаю, о чем говорю.

И этот не забыл напомнить про «обстоятельства». Рапорт по поводу будущего места службы и безразличие к дальнейшей своей судьбе.

Затем — построение, речь начальника училища, поздравление от его императорского величества Александра III, присвоение звания, восторженные лица сокурсников, приказ о присвоении звания под погоном. А внутри ширится пустота, и все больше и больше хочется уйти. Темнота — и долгожданный покой.

«Веселая жизнь у парня была»

На одной из станций Александр прикупил толстый блокнот и карандаш — записывать умные мысли. Свои, конечно. А также строить планы. Нет, не так. ПЛАНЫ! На первом листе появилась лаконичная запись:

ДЕНЬГИ???

Как молодой, с пылу с жару корнет может приподняться финансово в Российской империи? Вариант первый: верно и усердно служа Отечеству, не жалея чего-то там (и кого-то — особенно свое непосредственное начальство) во имя царя-батюшки и т. д. и т. п.

¹ Агреньевы вели свой род от тверской линии Рюриковичей, а потому к императорской фамилии Романовых никакого отношения не имели.

А где-то года через три-четыре начать расти в чинах и по службе. Или не расти, тут уж как повезет. Вариант два: удачно жениться на большом приданом, после чего послать армейские тяготы на... куда подальше и жить в свое удовольствие. М-да. Как-то не очень хочется быть альфонсом. Да и желающих, с заметно более высокой квалификацией, в деле обольщения богатых невест уж наверняка и без него хватает. Вариант три: взять и совершить подвиг. Разумеется, на глазах у начальства! И заметят сразу, награды (плюс денежки) появятся вместе с перспективами. Не, не подходит. Лишнего внимания привлекать нельзя. Да и надорваться ненароком можно, подвиг совершая. Вариант четвертый. Э... что-то нету пока. Но будет, непременно будет.

«Собственно, почему именно служба?»

Сразу подать в отставку, к сожалению, никак не получится, необходимо три года погеройствовать, отработывая долг государству расейскому. Но потом-то препятствий не будет? Вроде бы. Этот вопрос надо уточнить. А раз не на военной службе, а на гражданке (хе-хе, может, и в прямом смысле, зарекаться не буду), то давай-ка подумаем. Какими такими уникально многообещающими навыками я обладаю? Учился — сначала закончил на «отлично» строительный техникум (их как раз начали переименовывать в колледжи, вот только это было единственное изменение), затем помучился четыре курса в институте на химическом машиностроении. Помучился да и бросил — неинтересно стало. Потом работал прорабом, правда, недолго. Ставим плюсики. Любил погонять на авто и покопаться у него под капотом. (Помнится, пришлось как-то изрядно повозиться с отцовской «Волгой М 21», когда он ее всадил в столб — последний, кстати, такой ласки не перенес и упал; да и не только с ней, спасибо нашему и забугорному автопрому.) Еще с десяток вполне освоенных и изученных профессий: столяр-станочник или, к примеру, электрик и сварщик... корявый, правда. Не, все не то. Ух! Есть!

Постоянные выезды с друзьями на охоту, пейнтбол и периодические (иногда раз в полгода, хе-хе) занятия рукопашкой. Все это способствовало легкому фанатизму на оружейную тему: «бенелли», «рысь», «ремингтон-840», тюнингованные раритеты вроде «мосинки», маузера К-98, «ли-энфильда», макеты отечественных пулеметов времен Великой Отечественной, разные модификации всех побочных отпрысков АКМ, как то: «сайга», «тигр», «барс», «лось». И у самого дома в сейфе хранилась тульская «вертикалка» двенадцатого калибра да дедовский еще СКС (от которого после всех улучшений и переделок только название с клеймом и осталось — Ижевского оружейного). Неудачные попытки научиться скоростной стрельбе из пистолета (а также непреложное правило тира: сам стрелял — сам и

чисти!) принесли отличное знание ТТХ: ГШ-18, «макарова» (чтоб его!) ТТ, нагана и предмета тайной и явной гордости инструктора Валентина Сергеевича — браунинга «хай-пауэр», который так понравился тогда ученику, что тот не поленился оформить лицензию на газовый ствол и прикупить его реплику.

«А если покопаться в памяти, наверняка еще что-нибудь этакое вспомнится, и мно-ого!»

За два дня, оставшихся до прибытия на место, Александр исчеркал блокнот почти полностью, записывая все, что только вспоминалось и придумывалось. Самые бредовые идейки и предположения, обрывки мыслей и воспоминаний — глядишь, что-то и пригодится. А заодно прислушивался и присматривался к манере общения своих попутчиков, готовясь к первому серьезному испытанию, то есть к общению с большим начальством.

ГЛАВА 5

Ченстохов встретил его легким дождиком и тончайшим запахом березового дыма. Разбитые мостовые, многочисленные лавки, каменные лабазы, протянувшиеся за горизонт, множество торгового люда, вдвое больше простых работяг: перегружающих, таскающих, сортирующих и громко орущих при этом. Навстречу вылетел улыбающийся «водитель кобылы», вернее — чалого мерина.

— Куда едем, ваше благородие? Мигом долетим!

«Действительно... чего ноги мучить?»

— Штаб четырнадцатой бригады, и не гони...

Доехали за пять минут — по лужам и грязи, по узким кривым улочкам, попутно едва не задавив важного гусака и пару голенастых куриц. Ограды или хотя бы часовых не обнаружилось, что позволило спокойно дойти по коротенькой аллейке до самого штаба. Но все же караульные были — внутри здания. При виде корнета они моментально вытянулись, отдавая честь «по-ефрейторски». Тем временем, выбравшись из-за углового столика, уже спешил к незнакомому офицеру пожилой унтер...

— Здравстваша! Караульный начальник младший унтер-офицер Пудовкин. Кому и как прикажете о вас доложить?

— Согласно предписанию, явился в штаб бригады для получения приказа о дальнейшем прохождении места службы.

— Извольте следовать за мной.

Шагая по натертому чем-то блестящим дубовому паркету за своим проводником, князь заодно поглядывал по сторонам, но особенного ничего не высмотрел — одно слово, очередной казенный дом. Высокого начальства тоже не увидел, по причине его отсутствия (и

хорошо), все вопросы решила недолгая беседа с бригадным адъютантом, штаб-ротмистром Прянишниковым, кратко разъяснившим молодому офицеру некоторые тонкости службы. К примеру, бригада делилась на отделы, отделы делились на отряды-заставы, и Олькушский отряд, а точнее, его второй взвод, уже полгода плакал и ждал, когда же Александр придет к ним.

— Командует четвертым отделом подполковник Росляков, Валериан Петрович, штаб расквартирован в городке Олькуш, Меховского уезда, Келецкой губернии. Непосредственным вашим командиром будет штаб-ротмистр Блинский. Ах да! Вам еще в обмундировальную мастерскую, и не забудьте зайти к казначею, получить аванс. Советую вам, князь, построить второй полевой мундир именно тут. Потому как в городке портные похуже будут, уж поверьте мне на слово. Да-с, последний вопрос, ежели позволите: где вы остановились?

— Пока нигде, господин ротмистр. С вокзала — сразу в штаб.

— Похвально, весьма похвально, князь. Опять же рекомендую воспользоваться гостевыми апартаментами на втором этаже. Когда будете отправляться, прошу захватить несколько писем для вашего отряда, так сказать, попутно. Удачи!

— Благодарю за беседу, господин ротмистр!

Мастерская имени мундира была закрыта на большой и ржавый замок. Зато казначей был на месте. Он недовольно отсчитал жидкую стопочку ассигнаций и с надеждой заинтересовался:

— Вам уже приходилось у нас бывать?

— Нет, как-то не довелось.

— Вам понравится, уверяю! Особенно площадь с фонтаном — там иногда прогуливаются такие прекрасные паненки. Да-с! Кстати, если вам еще не порекомендовали портного, то я могу помочь. Или вы уже?

«Когда бы я успел, если деньги только сейчас получил? Что-то крутит этот господинчик».

— Я был бы вам весьма признателен.

Казначей заметно оживился:

— Улица Пястов, дом 5, заведение пана Стоцмана. Это почти в центре. Вы не пожалеете — в мундиры его работы одеты почти все. Да-с! Ну, не буду вас задерживать, корнет, всего хорошего.

Вспомнив штаб-ротмистра Прянишникова, Александр щелкнул каблукми и коротко кивнул:

— Честь имею.

Не спеша шагая на поиски «строителя мундиров», он задумался:

«Здесь еще помнят, что такое честь и достоинство. И не переспрашивают, недослышав: кого ты там имеешь? Или это я такой пошляк? А «построить мундир»? Слово-то какое. Не «сшить», «не купить» —

а именно «построить»! Хорошо еще не говорят «сколотить». Надо бы, кстати, прибрахлиться с запасом».

Город, откровенно говоря, не впечатлил, потому как тянул максимум на маленький городок. Улочки не только маленькие, но еще и запутанные, дома в основном обшарпанные, разбитые мостовые... Причем не везде, да и гулять настроения не было. Порасспрашивав двух попавшихся навстречу жандармов, заметно удивленных самим фактом обращения к ним офицера-пограничника, он быстро добрался до лавочки-магазинчика под вывеской «Общества военных товаров». Внутри обнаружился дремавший парень лет этак двадцати пяти, и, судя по улыбке, во сне он наслаждался просмотром комедии или легкой эротики. На полках и прилавке стояли бесчисленные ящички, сверточки, баночки, коробочки, а над всем этим плыл стойкий запах ванили. Так и не дождавшись признаков активности от сони, корнет взял да и пнул массивный прилавок.

— Чего изволите, ваше благородие?

«Ну, блин! Просто фокусник! Ведь только что спал, а уже за прилавком, сна ни в одном глазу, изогнулся угодливо, весь в ожидании».

— Вы кто?

— Приказчик Яков, господин офицер, чем могу вам услужить?

Помолчав немного и быстро прикинув состояние финансов, Александр начал медленно перечислять:

— Нужны: два полевых кителя, четверо бриджей, нательное, сапоги...

По мере перечисления глаза у приказчика все больше и больше разгорались в ожидании большой прибыли. Князь говорил, а Яков быстро выставлял на прилавок.

— Офицерскую сумку, три блокнота потолще и самой лучшей бумаги. Карандашей штук десять. Мыло, пару банок ваксы. Патроны к «смит-вессону» есть?

— Конечно-с, как не быть. Имеются в пачках по двадцать и по пятьдесят штук. Какие прикажете?

— Четыре по пятьдесят. — Подождав, пока соберут и упакуют все покупки, корнет поинтересовался: — Форма?

— Сей момент приступим, ваше высокоблагородие!

«О! Я уже и в чине подрос»¹.

Приказчик исчез и вернулся в компании типичного еврея-портного. Грустные глаза, тряпичный аршин на тощей шее, большие ножницы, торчащие из чехла на поясе. Но мастером он оказался изрядным: за два часа подогнал всю форму, немного расширил шинель, и все это молча, за что Александр был ему особенно благодарен.

— Сколько я вам должен?

¹ Высокоблагородием в армии называли офицеров в чине от капитана до полковника.

Портной помялся и нерешительно ответил:

— За работу пять рублей, за форму — сорок.

Постаравшись сделать голос теплее, офицер поблагодарил, одновременно отсчитывая ассигнации прямо на раскроечный стол:

— За хорошую работу не жалко.

Зайдя в магазинчик к Якову, князь первым делом увидел его филенную часть, а затем услышал и бормотание:

— Где-то здесь? Или тута? Нету. Ага, значит, тама!

Уже опробованное средство не подвело и на сей раз — только с другой ноги. БУХ! Оп! И опять чудеса акробатики — приказчик неуловимо быстро выпрямился и повернулся лицом к прилавку.

— Не извольте беспокоиться, все уже собрано, упаковано, ждет-с.

«Оборотистый малый!...»

Поддувнив холода в голос, Александр поинтересовался:

— Сколько с меня?!

— Соро... тридцать рублей ровно, ваше высокоблагородие!!

В последний момент приказчик решил не рисковать и ограничиться обычной нормой прибыли, а то мало ли.

— Куда прикажете все доставить?

— Где штаб четырнадцатой бригады знаешь? Вот туда, для корнета князя Агренева.

— Не извольте сомневаться, все сделаем в лучшем виде!

— Ну-ну...

Не слушая больше уверений, что, мол, прям сейчас и вприпрыжку, князь вышел на улочку и двинулся на поиски места, где можно вкусно и недорого поесть. Точнее, пожрать, кушать хотелось утром, в полдень хотелось поесть, а теперь было желание именно пожрать — да побольше, побольше! Поплутав немного и не найдя ничего подходящего, он подошел к городовому. Выслушав туманные и косноязычные объяснения, понял: с городовым на этот раз не повезло. Плюнул. Отойдя немного, остановил первый попавшийся экипаж и выдал извозчику маршрутное задание:

— Где у вас тут можно пообедать вкусно и недорого? Вот туда и едем.

— Разрешите обратиться?! Представляюсь по случаю прибытия на службу — корнет князь Агренов, Александр Яковлевич.

Средних лет офицер с такими усищами, что непроизвольно вспомнились байки про Буденного, одобрительно хмыкнул и не поленился встать и сделать три шага навстречу.

— Штаб-ротмистр Блинский, Сергей Юрьевич, команду Олькушским пограничным отрядом. Присаживайтесь, корнет, поговорим.

Беседу прервал обед, на который его, не слушая возражений (и не думал отказываться, если честно), пригласили. После часового монолога Сергея Юрьевича отчасти стали понятны причины такого радушия.

— Если бы вы только знали, князь, как мне надоело гонять всех этих воров и мошенников! Они как тараканы вездесущи — поймашь одного, десять разбегутся! Вы же понимаете, у меня много обязанностей и, помимо этого, бесчисленное количество важных дел, и все они требуют полной отдачи сил, поэтому ваше назначение для всех нас...

Слушая разошедшегося после бокала вина собеседника, Александр удивленно думал: «И это командир погранзаставы? Понятно, почему они никого поймать не могут — все силы на говорильню уходят. Ужась все, что он на меня вывалил, выкинуть все лишнее, и в остатке получится что-то вроде: ты, молодой, послужи, а бабушка отдохнет. Хм, самое интересное, что я и не против».

Достоинно поддержав беседу пересказом последних столичных новостей, вычитанных из газет во время поездки, князь окончательно стал «молодым, но подающим очень большие надежды» офицером, после чего Александра за пять минут ввели в курс его служебных обязанностей.

— Примете под командование второй взвод, расквартируетесь рядом с корнетом Зубаловым, я вас позже ему представлю. Отрядному фельдфебелю я укажу, он все устроит. Ознакомьтесь с личным составом когда планируете — сегодня, завтра?

— Пожалуй что завтра.

— Да-да, я вас понимаю, все эти хлопоты! Ничего, думаю, вам у нас понравится.

— Несомненно, господин ротмистр!

— Ну что же, корнет, ступайте устраиваться.

Новый дом Александру пришелся по вкусу: трехкомнатная уютная квартирка на втором этаже утопающего в зелени деревянного дома-особнячка. Впрочем, в приграничной деревне Олькуш (как ни странно, и городок такой имелся, и деревенька) все строения были из дерева. Исключение составляла отрядная канцелярия, где заодно была офицерская комната и оружейная, она же — склад конфиската. Распоряжалась всем в особнячке миловидная женщина по имени Дарья, с ходу попытавшаяся организовать еще один обед, но согласившаяся ограничиться пока подогревом воды для ванны. Под вечер появился прихрамывающий солдат лет тридцати, на удивление робко отпартовывавший, что он денщик «его благородия командира второго взвода» по имени Савватей.

«Получилось! Никто не сомневается в том, что я — корнет Агренев, а значит, у меня получится все остальное. Все, что захочу и смогу. Новая жизнь, новые возможности».

ГЛАВА 6

«Вроде только закрыл глаза, а уже пора вставать!» — сонно чертыхнулся Александр, просыпаясь от «звонка» живого будильника, оравшего свое «кукареку» с завидной точностью — ровно в пять тридцать. Прошло две недели, как он стал офицером русской императорской армии и очень родовитым аристократом, и все это время лениться не приходилось. Взвод ему достался разнородный, скажем так. На пятьдесят пять человек списочного состава приходилось всего пятнадцать послуживших и много повидавших ветеранов, остальные — зелень, «новички», салаги, из которых большая часть поначалу имела проблемы с дисциплиной. То есть спокойно пили до и после службы (а особенно одаренные и во время, но с изрядной опаской), да еще и подраться некоторые были далеко не дураки — в свободное от служебных тягот время. Старший и младший унтера, конечно, старались поддерживать дисциплину на уровне, но старые привычки одолеть не так-то просто.

Штаб-ротмистр Блинский чаще всего отсутствовал «по неотложным делам», в основном в Ченстохове. И штаб рядом, и прекрасные дамы недалеко. А еще штаб-ротмистр спал и видел, как он становится ротмистром и службу свою продолжает в штабе, поначалу бригадном, потом окружном — и так далее. В его отсутствие всю бумажную работу доверили... правильно, молодому, но ужасно перспективному корнету, князю Агрневу. Последний из трех офицеров отряда (вообще-то по штату их должно было быть четверо, но, учитывая хронический дефицит молодых офицеров, а вернее будет сказать, военных училищ в империи...), командир третьего взвода корнет Зубалов, вообще уже полгода как подал рапорт с прошением об отставке с действительной военной службы и самозабвенно готовился к поступлению в университет. Вот только все не мог никак решить, кем же он хочет стать: юристом или... может пойти по сельскохозяйственной части, на агронома? Такое поведение попросту не укладывалось в голове у Александра, потому как контрабандисты были не безобидными овечками, сшибающими детишкам на молочишко, а натуральными бандитами без тормозов: при встрече стреляли не раздумывая и засадами очень даже не брезговали. И что самое печальное — сильно недолюбливали офицеров, выражая свою неприязнь всеми доступными им способами. К примеру, поручика Глокке, что командовал взводом до Александра, в одной из стычек просто забили прикладами насмерть. Говорят, так и привезли заиндевевшего, с размочаленной вдребезги головой, с брызгами крови и мозгов на шинели. С таким добросовестным отпращиванием служебных обязанностей у господ офицеров совсем неудивительно, что и первым взводом, и всей ротой (пока было привычнее отряд называть именно так) потихоньку управлял Трифон

Андреевич, пожилой и опытный отрядный фельдфебель. Хозяйственные дела, вопросы расстановки секретов и дозоров, очередность увольнений, выдача месячного денежного довольствия... Сегодня с утра по плану, составленному самим же Александром, был первый пеший обход «владений», на предмет еще раз все осмотреть, подробно и не спеша, составить свое мнение и решить, как тянуть службу дальше. Через час после побудки, аккуратно к окончанию завтрака, появился «экскурсовод» — старший унтер Мохов, к «труду и обороне» подготовленный значительно лучше, чем корнет: винтовка на правом плече, сабля в потертых коричневых ножнах на поясе, рядом с двумя вместительными подсумками, явно не пустыми.

«Хм... последуем примеру опытного человека».

К глубокому сожалению, все, что было возможно, — так это взять патронов побольше, потому как винтовки офицерам не полагалось. Хотя, конечно, можно было бы и прихватить свободную берданку в оружейке, но попросту одолела лень-матушка. Тащить такую тяжесть... по такой жаре!

Выйдя за околицу, корнет с унтером начали петлять от столба к столбу, пересекая по пути лесочки, ручейки, луга и рощицы, обходя овраги и заросли колючего кустарника. Через каждые пятнадцать-двадцать минут унтер «находил» очередной секрет или дозор и коротко справлялся у них:

— Все тихо?

На что следовал один и тот же ответ:

— Угум!

Пройдя таким образом верст десять, присели на поваленный ствол старой сосны — отдохнуть в тенечке.

— Вот, вашбродь, большую часть прошли, еще три секрета глянем — и обратно.

— Хорошо...

Потянувшись всем телом, офицер расположился на бревне поудобнее, настраиваясь на долгий разговор.

— А скажите мне, Мохов, как вас по имени-отчеству?

— Семен я, а батюшку Василием звали, — с запинкой ответил старший унтер, слегка удивленный таким явным интересом именно к своей персоне.

— А давайте-ка поговорим по-простому, без чинов, Семен Васильевич.

— Так точн... э-э?

— Вот и договорились. А скажите мне, Семен Васильич, как часто у НАС пошаливают? А то прямо опаска берет, как послушаю историй разных.

Поначалу собеседник князя отвечал на все вопросы односложно и с явной настороженностью, но постепенно разговорился, и сведе-

ния полились полноводной рекой, рисуя правдивую картину происходящего на границе.

«Неслабо!!! Тихая война — вот как это называется. Короткие перестрелки не реже одного раза в неделю, раз в месяц у нас или у соседей раненые, а повсеместно считается, что тут тишь да гладь, да божья благодать. Вот это я попал! Так, надо все хорошенько обдумать, а пока... Пора сворачивать разговор».

Задав пару-тройку вопросов о родных и близких старшего унтера, Александр познакомился со всей его немудреной биографией. Родился, крестился, женился... три дочери, сын-наследник, первый внук на подходе, а нажил — всего ничего. Два ранения, три благодарности да полдюжины медалей. Удачно ввернув про свое сиротство и обучение на казенке, князь окончательно завоевал доверие Семена Васильевича, и дальше они продолжили путь не торопясь и переговариваясь прямо на ходу. К удивлению и зависти корнета, служивый при этом выглядел так, будто гулял налегке и недолго, в отличие от своего командира, который чувствовал каждый грамм веса револьвера в кобуре и прикидывал в уме, как у него вечером распухнут ноги. Что тут скажешь... ветеран! Уже на подходе к заставе комвзвода ненадолго приостановился:

— Вот что, Семен Василич. Наедине разрешаю обращаться ко мне по имени-отчеству. — Помолчав немного, продолжил: — Опыта вам не занимать, я же, как видите, им еще не обзавелся. Поэтому продолжайте... служить, как привыкли, куда я во все тонкости не вникну. И советами от вас я не побрезгую.

Внимательно вслушивающийся в слова начальника, унтер как-то по-новому оглядел Агренева и, степенно огладив усы, слегка кивнул:

— Благодарствую за доверие, Александр Яковлевич, не подведу!

Утро. Тишина, самый сладкий сон.

Кукаррекууу!

«Дождешься, царь курей, определю тебя в суп, будешь там орать!»

Петух этим утром надрывался так, что казалось, будто он голосит в рупор. Тело онемело и напрочь отказывалось двигаться.

«Я, похоже, вчера как упал в кровать, так и спал в одной позе, вот все и отлежал. Ух! Не все, оказывается, отлежал-то. Ох как ноги болят! А кто это там топает у меня в прихожей? Понятно, денщик пришел. О! Вот пусть он меня и отнесет в канцелярию, а то представить страшно, как я ходить сегодня буду. Эха-ха! Ладно, попытаемся встать, что ли?»

Сам себе корнет напоминал старенького дедушку, до того плавно и печально двигался, одеваясь. Заурчавший живот не дал довести до конца утреннюю гигиену и погнал за стол в одних бриджах. Зато по-

сле утреннего жора притихла ломота по всему телу, а уши запылали двумя флажками, тихонько радуя своим видом обычно невозмутимого Савватая.

«Это я разогрелся, пока ложкой махал?»

Медленно и осторожно Александр дошел до канцелярии, где, как и всегда, отсутствовал Блинский. Зато имелся отвратительно бодрый Зубалов, неподдельно обрадовавшийся прибытию собеседника.

— Утро доброе, Александр!

— Скорее, раннее, Андрей. Позвольте осведомиться, где Сергей Юрьевич?

— Отбыл на доклад в штаб, ну и... думаю, будет вечером. Кстати, вы слышали о крупном успехе на Белостокском пункте? Так-таки и не слышали?! Ну, так я вам сейчас все подробнейшим образом расскажу.

Слушая сослуживца, князь удивлялся: старше его на три года, а ведет себя как кадет-первокурсник! Подпрыгивает, размахивает руками, заливается смехом невпопад. Или это на него так достижения незнакомых ему офицеров подействовали?

— В тендере паровозном, вы представляете? Немного угля сняли, и ящики пошли — прямо видимо-невидимо! Точно никто не знает, но поговаривают, что одной только премии насчитали на 40 тысяч, вы представляете?!

— Простите великодушно — премии?

— Разве вы не знаете? Я думал, это общеизвестно, простите. Суть дела в том, что...

Из излишне подробных пояснений корнета выяснился один очень многообещающий факт: по существующим правилам, тот, кто перехватывал контрабанду, получал от десяти до двадцати пяти процентов ее оценочной стоимости; естественно, рядовым поменьше, офицерам побольше. Оценивали и вообще полностью распоряжались конфискованным чиновники из Таможенного департамента министерства финансов, и, разумеется, их расценки были самыми низкими из возможных — но все же, все же. Раскрасневшийся от обсуждения чужой удачи, корнет Зубалов с самым решительным видом убыл на объезд дистанции и наверняка с горячей надеждой отловить хоть какого-нибудь завялящего контрабандиста (желательно с длинным караваном лошадей, нагруженных так, что груз свисает до земли, ну, или с тючком чего-нибудь крайне дорогого в обнимку). Оставшийся в одиночестве (и долгожданной тишине) Александр решил не сачковать, а заняться делом: планированием и систематизацией информации, поднакопившейся за прошедшее время.

«Правду говорили, что человек привыкает ко всему. И месяца не прошло, как очнулся в госпитале и радовался, что жив, а теперь освоился и недоволен своим положением. Эх, где там мой верный блок-

нотик? Что мы имеем по границе? И так, пункт первый: бегают через границу регулярно, как с нашей, так и с сопредельной стороны, но все же в основном с сопредельной к нам. Пункт второй: народу бегают немало, старший унтер вчера мимоходом упомянул, что в этом месяце уже трех отловили, а месяц-то пока не кончился. Умножаем это количество на десять, а вернее будет на двадцать, и получается, что «работают» на Олькушском участке госграницы от пятидесяти до восьмидесяти человек постоянно, трудятся не покладая рук и ног, хе-хе. Пункт третий: за такую популярность именно нашей зоны ответственности следует благодарить близость железной дороги из чужедальних краев в империю Российскую. Пункт четвертый: контрабандисты тут бывают двух видов. Первые (в основном с российским подданством) стараются проскочить тихо, несут, везут, тащат (нужное подчеркнуть), как правило, много и товаром, то есть его сохранностью, дорожат меньше, чем своей головой и здоровьем. При любом столкновении стараются быстро отступить. Это им плюс, кстати. Вторые гораздо хуже и в основном набегают со стороны двуединой монархии, Австро-Венгрии то бишь, будь она неладна. Стреляют первыми и не отступают до последнего: но и контрабанда у них самая «вкусная» — маленькая по объему, большая по стоимости. И первых, и вторых роднит одно: на оружии и экипировке они, как правило, не экономят, и зачастую единственное, что остается дозором, — отступать и дожидаться подмоги от ближайших постов. Слава богу, взаимовыручка налажена. Пункт... ага, пятый уже: отсутствие внятной системы охраны. Сегодня секрет в одном месте, завтра — в другом... метров на пять левее или правее, дальше или ближе. Есть конные объездчики, но мало. Еще летучий отряд, но он на случай крупного прорыва и базируется в 15 верстах от отряда... можно сказать, его нет. Ко всему прочему, существует замечательный приказ с самых заоблачных высей, гласящий: в сторону сопредельной стороны стрелять категорически запрещается! Как хочешь, так и понимай — то ли это забота о бедных и несчастных «контрабасах», то ли опаска подстрелить чужого пограничника.

Ну и напоследок: контрабандой тут, походу, балуются все кому не лень. Под конец обхода унтер дважды показывал хутора — мол, если вдумчиво пошарить, обязательно что-нибудь сыщется, и немало. Да. Ведь это еще затишье пока, а вот через три месяца, когда начнут действовать новые пошлины, вот тогда пойдет движение».

Задумался так, что не сразу обратил внимание на зашедшего в офицерскую комнату старшего унтера, и тому пришлось негромко кашлянуть, привлекая внимание.

- Вашбродь, на седьмом посту нарушителя задержали.
- Давайте его сюда.
- Так это... Вашбродь...

Перебив унтера, корнет напомнил:

— Семен Василич, вы не тянитесь, доложите по-простому, я же вчера разрешил.

— Ну, это... секрет весточку прислал, что нарушитель на них вышел, так я сразу к вам. Вот! За указанием, значить.

— Понятно. Подождите, как это весточку прислали? Вестовым? Их же всего двое?!

Из дальнейших пояснений успокаивающего дыхание (все-таки уже не мальчик быстро бегать) старшего унтера князь опять узнал для себя новое. Оказывается, на заставе есть голубятня на тридцать пернатых тушек и специальный человек при ней (а он думал, это маленький домик на отшибе и даже не интересовался, что там. Каждый дозор, уходя в наряд, берет с собой одного или пару голубей: вдруг один не долетит? Учитывая, что крылатых вестников любили и ждали только на заставе, шанс у птиц исчезнуть по дороге был весьма велик, за ними даже специально охотились.

Вот от седьмого дозора и прилетела «крылатая эсэмэска»: «поймали нарушителя, ждем начальство для разбирательства на месте» — и все, больше ничего и не вошло на маленький клочок бумаги. Унтер, действуя по инструкции и согласно требованиям устава, тут же побежал искать своего взводного — потому как теперь именно тот решал такие вопросы.

Поправив кобуру с револьвером и мимоходом пожалев об отсутствии «калаша» и бронжилета (эх, мечтать так мечтать — и бронетранспортера!), корнет «выдвинулся» к месту мини-ЧП. Конечно, можно было поступить гораздо проще, то есть приказать отконвоировать этого самого задержанного к себе, на заставу, но! Очень хотелось взглянуть на такого занятого зверька, так сказать, в «естественной среде обитания», тем более что все было недалеко и добираться до места полагалось не своими ногами, а конно. Навыки верховой езды были приличными, так что офицер даже удовольствие получил от быстрого галопа.

Нарушитель откровенно разочаровал. И стоило из-за этого вот такой шум поднимать? Под деревом сидел дедуська в заскорузлых от грязи лохмотьях, с землистого цвета лицом и таким ароматом немытого тела, что комары беспомощно кружили метрах в двух, не решаясь подлететь ближе. Документов нет, в ответ на вопросы лопочет всякую ерунду, безбожно мешая польские и венгерские слова, и все время кланяется, как китайский болванчик, тряся зажатой в руках веревкой.

— Докладывайте.

— Слушаюсь! Энтот час назад сам на секрет вышел, ну мы яго и придержали, вот. Вона с той стороны к нам шагала... вот. Говорит, коня свово потерял, ишшет.

— Понятно.

Отойдя в сторонку, кивком подозвал старшего унтера:

— Что скажете, Семен Василич?

— А чего тут, и так все ясно. От несунув он тута ходит, высматривает, вынюхивает.

— От несунув?

— Ага. Это мы так этих... как яго... кон-тра-бан-дис-тов — во! — по-простому зовем. Ходят такие, выглядывают, где секреты засели, а потом все несунам подробно обсказывают за денежку малую. Бывает, еще собачку ученую впереди пустят или мальчика несмышленного. Всяко исхитряются, сволочи!

— Так! И что делают с такими?

— Дык что, взашей его, и всех делов. Гумагу на него еще изводить, мороки больше.

— Тогда так. Ему (кивок на божеватого вида дедушку) оформите пинок пониже спины, секрет на другое место. Верно, Василич?

— Так точно, вашбродь!

Старший унтер энергично раздал ценные указания, и, уже отъезжая, корнет увидел размашистое «напутствие» тяжелым сапогом в исполнении старшего дозора.

ГЛАВА 7

К концу лета Александр уже сбился со счета — столько он повидал нарушителей. В основной своей массе они не сильно отличались от того самого божеватого дедушки-«коневладельца». Все как один плохо говорили на русском, невыносимо страдали от потери своей четвероногой собственности (вот тут было некоторое разнообразие — кто-то искал корову, а кто-то и козой обходился) и старательно кланялись при виде офицера, который теперь к ним близко и не подходил (одного раза хватило за глаза). Контрабандисты тоже попались, целых пять штук: в первый раз, несмотря на то что их было четверо, обошлось по-тихому (трудно спорить, когда на тебя берданку наставили и только и ждут повода спустить курок), а вот во второй раз пришлось немного пострелять — уж очень шустрый несуну попался, полчаса за ним бегали.

Солдатам очень понравилось выражение «оформить пинка», и данное действие быстро стало одной из негласных, но просто-таки обязательнейших традиций. Еще больше им понравился другой приказ корнета: тех задержанных, кто покрепче, отпускать только после сеанса «трудотерапии» — дров натаскать или песка с щебнем для отсыпки дорожек, с выгребными ямами вдумчиво поработать, сена покосить, мусор какой убрать, подмести. Занятие находилось всем, а

уж как укрепился авторитет командира второго взвода! Тем более что все уже попривыкли к тому, что именно он постоянно находится в отрядной канцелярии или где-то рядом, в отличие от штаб-ротмистра Блинского или корнета Зубалова. Командир заставы своим присутствием ее обычно не баловал, отметится на утреннем разводе — и в Ченстохов, по важным и неотложным делам (по слухам — новая пассия) или на отдых от важных дел. А его благородие корнет Зубалов жил и служил (и даже дышал) в ожидании отставки и лишнего на себя не брал: с утра в канцелярии, потом объезд дистанции, и все — остаток дня «дежурил» на своей квартире. А меж тем причины такого повышенного трудоголизма князя были донельзя банальны: во-первых, в канцелярии было прохладно, а на улице и в тени доходило до плюс тридцати. Солдатам еще удавалось походить нараспашку (особенно в дозорах), а вот офицерам это категорически воспрещалось, расстегнутый и без фуражки корнет вызвал бы настоящий шок и волну слухов. Хочешь ходить в одной рубашке — делай это дома, а на службе офицер должен быть застегнут на все пуговицы. А во-вторых, занимаясь оформлением разного рода документов, Александр заодно и систематизировал накапливающуюся понемногу информацию: рядом с какими хуторами чаще всего случаются стычки, какие участки дистанции у несунув самые любимые, средняя численность и тактика контрабандистов, наиболее удобные маршруты для караванов, виды и стоимость запрещенных товаров, общие сведения о местности. Даже макет местности потихоньку создавать начал. Было еще и в-третьих, к сожалению. Стала приходить боль, вначале потихоньку, покалыванием в висках, затем сильной мигренью и неожиданными спазмами. Все чаще и чаще приходилось вызывать холодное безразличие к окружающим, чтобы не сорваться. В такие часы он просто запирался в офицерской комнате, пережидая очередной приступ, или уходил в ближайший лесок и долго стоял там, привалившись к облюбкованному дереву. Посетив местного лекаря, господина Матисена, получил твердое убеждение — лучше умереть самому, чем воспользоваться помощью этого коновала и содохнуть после устроенного им кровопускания.

Узнать верное средство от головной боли довелось случайно и благодаря контрабандистам. В один из дней голова начала разламываться уже с утра, моментом переведа настроение в минус. Едва он оделся, прибежал запыхавшийся вестовой с неприятной новостью: стрельба на седьмом посту!

«Опять седьмой. Им там что — медом намазано?»

На полпути к канцелярии корнета перехватил старший унтер — с пояснениями. Все оказалось не так важно и срочно, как можно было ожидать: обстреляли конного объездчика — три или четыре выстре-

ла, все мимо. Так что никто не пострадал, даже, хе-хе, штаны объездчика. Разведка, разумеется, никого не нашла, что никого и не удивило. Так сказать, обычные будни пограничной службы.

— Так что, вообще ничего не нашли?

— Ну, лежку-то ихнюю отыскали, гильзы там, в какую сторону ушли. Толку с того, ищи теперь ветра в поле.

«Чем на заставе торчать, лучше прогуляться. И пехом, а не в седле».

— Вот что, Семен Васильич, организуй мне провожатого, хочу своими глазами на все посмотреть.

— Воля ваша, Александр Яковлевич, только было бы на что смотреть.

В попутчики-телохранители почти добровольно вызвался унтер младший по имени Григорий. Не спеша вышли, не спеша пошли.

— Вот отсюда они палили, вашбродь. Вот, гляньте — гильзы в землю втоптали, торопились, видать, ироды.

«До тропы, где передвигался, не шибко торопясь, кстати, объездчик, метров... ну пускай двести, я не жадный. Четыре выстрела, и все мимо. Пугали или стрелок слепой и косорукий? Зачем стреляли, тоже непонятно».

На обратном пути князь внезапно понял, что у него уже давно ничего не болит. Благодать-то какая! Словно по заказу подвернулась живописная полянка, с ручейком по самому краешку и удобной лавочкой в виде давно подрубленной под самый корень сосны. Унтер словно заранее знал, что командир остановится именно здесь, и, пока Александр расстегнул и скинул на землю китель, уже закончил выкладывать на расстеленный кусок полотна нехитрую снедь: вареные яйца, лук, хлеб и соль.

— Вот, вашбродь. Ежели не побрезгуете?

— Благодарю.

Унтер заметно оторопел от его аппетита, видимо, по его представлениям, командир должен был лишь брезгливо поморщиться. Ага, щас! Закончив ранний ужин первым (вернее, проснувшаяся совесть все же заставила оставить немного и Григорию), офицер сходил и напился холодной, до боли в зубах, ключевой воды. Возвращаясь, зацепился взглядом за две медали на груди унтера.

«За храбрость. Гм, время пока есть, настроение хорошее. Почему бы и не полюбопытствовать?»

Как расцвел его сотрапезник, услышав вопрос! Куда только и девалась его угрюмость и немногословность. Корнету с ходу поведали об эпическом сражении Григория, тогда еще ефрейтора, и трех «контрабасов», в котором он, несмотря на пробитое пулей навывлет плечо, умудрился убить одного и скрутить остальных, а потом еще и дождался подмоги, истекая кровью. Полгода на излечении, а по возвращении героя ожидала заслуженная награда в виде медали и пре-

мия — целых три рубля! Когда же Семен Васильевич стал старшим унтером, вспомнили про Григория еще раз, и он подрос в чине до младшего унтер-офицера.

«Да... смех смехом, а ведь он настоящий, без дураков, герой. Мог отступить, отговорившись раной, но преследовал, догнал и победил в заведомо неравном бою. И не сосунков каких, а матерых бандюганов. И выжил потом, потому как пенициллин откроют еще очень не скоро и любая серьезная рана подобна лотерее: может, выздоровеешь, а может, и нет, шансы примерно равные».

Скомандовав: «Без чинов!» — продолжил беседу-допрос унтера и с удивлением узнал, что Григорий еще и неплохой рукопашник. Это ко всем прочим его достоинствам, а они очень даже внушали: кроме мордобоя солдат профессионально управлялся с пикой, саблей и шашкой, засапожником и штыком, стрелял (и попадал при этом) на предельную дальность из штатной винтовки — для бердана № 2 это составляло примерно пятьсот метров. Был неплохим пластуном, как следствие — хорошо читал следы. Неудивительно, что он выжил в стычке. Если бы плечо не продырявили, так унтер наверняка этих контрабандистов пинками бы к заставе пригнал.

— Григорий, как же ты такую сноровку во всем приобрел?

— Дык энто... Батя поперва науку казацкую давал, потом дядько мой, ну и опосля там да сям. Мир, он энто, не без добрых людей!

— Это точно. Ну что, пора возвращаться?

Остаток пути прошел под комментарии унтера о косорукости каждого секрета: эти плохо сидят, тут плохо укрылись, да еще и покурил кто. Вот здесь следы часто находят, вот тут место открытое до самой чужой границы, а вон там овраг уж дюже удобный, караваны по нему водить... И водят частенько.

Заинтересовавшись, Александр начал выспрашивать подробнее: в ответ служивый дал полный расклад за последний год — где, кто, когда. Уже через минуту офицеру стало понятно, что запомнить ничего не удастся. Вот память у человека, даже завистно стало. Слегка.

— Ты мне все, что сейчас поведал, на бумаге опиши. Я прикажу, чтобы тебя для этого дела от других забот освободили. Главное, не забудь ничего, и поподробнее.

Сказал — и с удивлением увидел, как бывалый унтер растерялся и покраснел.

— Что случилось, Григорий?

— Так энто... Вашбродь, я, значит...

— Григорий, я же сказал — без чинов! Чего мнешься, как девица красная? Случилось чего? Ну?

— Энто... неграмотен я, вот, а вы ж приказали, а я ну никак, вот! Читать-то могу, да и то не ахти как, а вот остальное...

• Оружейникъ •

ГЛАВА 1

В первый день сентября, около двух часов пополудни, к красиво-му трехэтажному зданию управы РОК¹, а вернее, к расположенной рядом с ней фабричной проходной подъехал экипаж. Из него вышел... вот тут начинались первые несуразицы, потому что никто из полудюжины приказчиков, ожидавших своей очереди получать товар, так и не смог определить — кого же он перед собой видит. А определить, причем — влет, они были просто-таки обязаны согласно специфике своей профессии. Если судить по одежке, перед ними был среднего достатка мещанин, нацепивший на себя свой самый лучший костюм ради важной встречи. В пользу этой версии говорило и очень бережное отношение к одежде, и явное отсутствие обыденной привычки носить ее каждый день, и еще с десяток признаков, заметных взгляду любого опытного торговца. А вот то, как себя держал новоприбывший, вообще поставило всех в тупик: уверенно пройдя мимо хоть и недлинной, но все же очереди, он спокойно пнул будку охранника, привлекая к себе его внимание.

— Это кто там такой нетерпеливый?! Ой, Григорий Дмитрич?

— Здорово, Фаддей. А подскажи-ка ты мне, как господина Грече найти?

— Это, Григорий Дмитрич, ты уж того, не сердчай — это только с начальником смены решить можно. Сам должен понимать, порядок такой, не нами заведен, не нам его и ломать.

— А! Точно! Мне же командир велел первым делом вашему старшему бумагу от него показать. Что встал? Бе-эгом! Вот давно бы так.

Минут через пять приказчики увидели еще более непонятную картинку: обычно сурово-строгий старший охранник начал еще на подходе улыбаться непонятному мещанину. А прочитав короткую записку, и вовсе преисполнился радушия пополам с почтительностью и полез обниматься. Достаточно осторожно полез, чтобы вовремя отступить, но ничего, до тела допустили.

— Ну что, посидим да побалакаем, а? Как там на заставе, сильно все изменилось?

¹ РОК — Российская оружейная компания.

— Кхм. Да я и не отказываюсь. Но сперва поручение командира выполню! Так что насчет Грече?

— Пошли, провожу.

Увиденного, а главное, услышанного (вернее, успешно подслушанного) приказчиком вполне хватило, чтобы скоротать недолгое ожидание в обсуждении: что же это такое было? Валентин Иванович отыскался в столовой, где сосредоточенно трудился над тарелкой с душистой ухой, но весь его трудовой настрой моментально пропал, стоило ему только увидеть бывшего унтера.

— Прибыли?! А где Александр Яковлевич?

— Мы с ним в Варшаве расстались. Он меня к вам отправил, а сам к тетке своей. Сказал — дня на два, не больше. Вот, велел первым делом письмо передать.

На свет появился небольшой изящный конверт, причем даже незапечатанный.

— Так-с, ага! Поздравляю, Григорий.

— Это с чем же?

— Приказано тебя зачислить в штат компании на должность главного инспектора условий труда, с очень даже неплохим жалованьем.

— Ну да, что-то такое мне командир и говорил. Только он еще указал, чтобы я первым делом все как следует осмотрел, непорядок всякий-разный поискал, с ребятами поговорил о службе.

— Так это и называется — инспектировать. Сейчас сходим в заводууправление, оформим тебя по всем правилам, «вездеход» получишь, и можешь приступать.

— Это чего такое я получу?

— Документ о том, что имеешь право заходить повсюду, спрашивать обо всем — в общем, что-то наподобие солдатской книжки. Тебя без него в оружейные цеха не пропустят. Да почти никуда и не пропустят — у нас тут с этим строго. Да, а для меня Александр Яковлевич ничего не передавал?

— Нет. Так чего передавать, коли сам скоро будет?

— Ну да, все правильно.

Господин управляющий почти без удивления принял нового сотрудника компании (явно хорошие отношения последнего с личным порученцем князя и главным оружейным конструктором по совместительству уже было вполне достаточной рекомендацией), подписал все необходимые бумаги и даже распорядился выписать небольшой аванс. Так сказать, стал потихоньку наводить мосты.

— Вам что-либо необходимо для осуществления ваших обязанностей?

— Если можно, провожатого от охраны?

Инспекция началась с фабричной столовой: сняв пробу почти со всех предлагаемых мастеровым блюд, Григорий немного вспотел и самую малость расслабился, не забыв напоследок поблагодарить по-

варих за их мастерство. Следующие три часа он ударно трудился, осматривая буквально все, что только попадалось ему на глаза, не забывая при этом дотошно расспрашивать своего почти добровольного экскурсовода. Выйдя из последнего оружейного цеха и пройдясь напоследок вдоль его длинной стены, он полюбовался на людской муравейник большой стройки за оградой и едва не свалился в непонятную канаву.

— Хм, и не лень же кому-то было такую ямищу копать?

— А эт не мы трудились. Тут поперва чересчур любопытных хватало, так мы им и предлагали на выбор: или в околоток для выяснения личности, или потрудиться чуток. Пьяных дюжин пять ловили среди работяг, да и иных всяких хватало. Зато теперя у нас опосля дождя сухо, а за забором натуральный потоп.

— Молодцы, это вы неплохо сообразили.

Тут инспектор услышал многоголосый звонкий смех, причем явно женский, и заинтересованно стал озираться, поглядывая на окна цехов и пытаясь определить источник звука.

— Да чего там соображать-то, коли на заставе так частенько... ты чего, Григорий Дмитрич? А, понятно. Эт у нас вскоростях цех новый откроют — железяк всяких кучу завезли, баб молодых тож набрали, теперь вот осваиваются. Слышь, гогочут как гусыни?

— Чего это ты их так сурово, Василь?

— Да больно много о себе воображают. Тоже мне фифы городские.

— Понятно все с тобой, хе-хе. Ну я пока холостякую в отличие от некоторых, так что!..

— Да не, Григорий Дмитрич. У них там начальник дюже злющий. Прямо как увидит кого в своем «цветнике», сразу гнать начинает, а особливо нашего брата недолюбливает.

— Так вы ж охрана, вам положено всюду ходить?

— А он племянник управляющего фабрикой, вот и не трогаем. Шоб не воняло!

— Ага. Ну-ка, пойдём осмотрим цех изнутри — что-то мне вдруг так любопытственно стало?

Только Григорий с провожатым успели зайти на второй этаж и подойти к притихшим девушкам (действительно, натуральный цветник — одна другой краше), как к ним быстрым шагом подошел... начальник цеха? Сомнения господина инспектора были вполне оправданны, уж больно молод был мужчина для такой немалой должности, не больше двадцати двух лет.

— Я ведь уже говорил вашему старшему — вам здесь делать нечего! Попрошу выйти и не мешать работе.

— Так я и не мешаю, господин хороший. Сейчас вот все осмотрю, чтобы все в порядке было, и уйду.

— Попрошу вас выйти вон, или я немедленно иду к Андрею Владимировичу!

Удивлению инспектора просто не было границ. Командир раз пять говорил о том, что приказывать ему на фабрике может исключительно он, буквально вдалбливал это ему в голову. Все остальные могут только попросить, да и то очень и очень вежливо. Решив, что он что-то не понимает, Григорий сдал назад во всех смыслах, напоследок окинув перешептывающихся красавиц запоминающим и **ОЧЕНЬ** многообещающим взглядом.

— Вот так и живем, Григорий Дмитрич!

Тем же вечером Сонин не поленился отыскать Гreve для небольшого разговора.

— Валентин Иванович, вы не развеете мои сомнения, ежели вас это не затруднит? Наш новый главный инспектор, он ищет что-то определенное?

— Да ну бог с вами, Андрей Владимирович! Григорий только сегодня узнал, что он, хе-хе, инспектор. Уверяю вас, у него нет ни малейших способностей к данной стезе, а его необычайная осведомленность о наших охранниках объясняется весьма просто: они все служили под его началом, вернее, почти все. Просто, так сказать, свежий взгляд — порой это бывает очень полезно, вы же понимаете?..

— Я уж было подумал! Впрочем, пустое.

Сонин стал чувствовать себя немного уверенней и гораздо, гораздо спокойнее. Пересказав в качестве курьезной шутки все произошедшее в будущем швейном производстве, управляющий тут же улыбнулся, приглашая своего собеседника оценить юмор ситуации. Но, к своему удивлению увидел, что Гreve смеяться не спешит.

— Что-то не так, Валентин Иванович?

— Все не так, Андрей Владимирович. Я давно хотел вам указать на некоторое не совсем верное отношение вашего племянника к охране, да все как-то забывал. Думал, время еще есть, ну или там после открытия цеха.

— Боюсь, я не вполне?..

— Григорий такой же личный представитель его сиятельства, как и я, причем пользуется его полным доверием. И он непременно упомянет этот неприятный момент в своем докладе. А если, не дай бог, между ними возникнет стойкая неприязнь — боюсь, что уволиться придется именно начальнику швейного цеха.

— Я думаю, Валентин Иванович, вы преувеличиваете важность этого мелкого события. Вы же сами сказали, что проверяющий из господина Долгина, так сказать, не вполне хорош. Я специально уточнил у Константина, тот не показывал ему никаких документов и ничего не говорил о том, что проводит инспекцию. Так что это всего лишь небольшое недоразумение, и не более того.

В Ивантееве Александр задержался не на два дня, а на полную неделю — слава богу, что хоть на свадьбу своей двоюродной сестры опоздал (как и застать в поместье новобрачных) и отделался легким испугом и заранее заготовленным подарком. А вот с Татьяной Львовной такой номер не прокатил, пришлось выдержать настоящий допрос и использовать без остатка всю силу убеждения, раз за разом доказывая ей, что в отставку он подал не из за плохого здоровья или какой-нибудь дурной истории. Опасения тетки развеялись только после того, как князь заявил ей: он полон решимости выкупить свое родовое гнездо и привести его в полнейший порядок.

— Вот и молодец. Перво-наперво стряпчий хороший нужен, но уж это я беру на себя, у Белозовых должны быть знакомые. А кредит где будешь брать?

— Какой кредит? Да и зачем он мне? Тетя, я же вам рассказывал о моем производстве.

— Сашенька! На выкуп поместья денег у тебя, может, и хватит, а имение вновь отстроить да обставить, хозяйство наладить, челядь какую-никакую завести? Поверь своей старой тетушке: денег, сколько бы их там ни было, всегда не хватает. Всегда! Тем более ты молод и не женат. А заводик твой, как мне помнится, только-только прибыль стал приносить. Так что даже и не спорь со мной, я пожила изрядно и кое-чего в этой жизни понимаю. Ой, совсем забыла — нас же сегодня на званый ужин ждут!

Переложив все заботы и хлопоты о покупке Агренева на хрупкие плечи своей тетушки — вернее, это она переложила их на себя, мотивируя тем, что ее племянник слишком неопытен в такого рода делах, а также плохо разбирается в людях, да и излишне доверчив, и вообще, он что — не доверяет своей любимой тетке?! — Александр тут же признался в своем полном доверии, облегченно вздохнул и попытался познакомиться поближе со своими будущими владениями. Дабы составить, так сказать, общее впечатление о перспективах их использования. Ключевое слово — попытался. Гости, а вернее, гости в поместье Татьяны Львовны прибывали с такой завидной регулярностью, что все его надежды на «просто погостить» и «походить по осеннему лесу» потерпели крах. Особенно раздражало то обстоятельство, что он должен был участвовать в приеме каждого, кто бы ни заявился с визитом в Ивантеево. Сидеть на веранде вместе со всеми, пить чай с вареньем, вести ни к чему не обязывающие разговоры о всякой чепухе с самым серьезным выражением лица. При этом не забывать делать разнообразные комплименты, провожать и старательно НЕ понимать разнообразные по содержанию и одинаковые по смыслу намеки. В общем, на седьмой день будущий помещик самым позорнейшим образом сбежал от нежно-возвышенных, мило-утонченных девиц и их излишне активных мамаш. Потому как сильно

опасался, что не выдержит и начнет посылать всех открытым текстом. А тетюшку расстраивать не хотелось...

Непонятно по какой причине, но последние пятнадцать — двадцать верст до Сестрорецка поезд не ехал, а скорее крался. Несмотря на это и к большому удивлению Александра, прибыл он вовремя, ровно в час пополудни. Отмахнувшись от подскочившего к нему носильщика, молодой фабрикант вышел на перрон и задумался.

«Что-то я не помню, как там обстоят дела с моим жилищем: можно уже вселяться или там из мебели только один рукомойник? Конечно, Валентин Иванович не откажет в гостеприимстве, но все же удобнее будет переночевать сегодня в гостинице».

Быстро покончив со всеми формальностями, князь оставил свой немногочисленный багаж (даже, можно сказать, очень немногочисленный — состоявший из одного-единственного «счастливого» чемоданчика из крокодиловой кожи) в номере. После чего в порядке эксперимента решил добраться до фабрики своим ходом — тело отчетливо просило движения, а еще лучше, хорошей такой силовой нагрузки. Прогулочным шагом пересекая не сильно большой городок и обдумывая попутно на ходу, чем ему заняться в первую очередь, Александр рассеянно поглядывал по сторонам. И не сразу поймал себя на том, что совершенно неприличным образом пялится на идущую впереди него парочку — и ладно бы на девицу: она была уже вполне взрослой и даже отменно фигуристой, лет этак примерно шестнадцати. Так нет же, он рассматривал ее кавалера, который выглядел (и был) угловатым подростком, года на три помладше своей спутницы.

«Ну точно, один в один — спецовка моих мастеровых. Только отенок немного другой и по фигуре подогнано. Как интересно! А ну-ка прибавим шагу».

— Тебе хорошо, а нас опять оставят!

— Че, опять? Он, поди, и не приедет вовсе, а вы там уже какой день все готовитесь да тряпками машете. Ну тогда мамке скажешь, что я на речку с ребятами, да?

«Да это же брат с сестрой. Причем очень похоже на то, что они вместе учатся в моей фабричной школе».

Бросив напоследок еще один взгляд на униформу «школьника», Александр от удивления споткнулся, а потом опять прибавил шаг и вежливо кашлянул.

— Ой!

— Прошу прощения, сударыня. Сударь, могу ли я осведомиться, где можно пошить такой любопытный костюм?

Пока девица моргала своими красивыми глазками (не каждый же день подходят и называют сударыней, словно барышню из благород-

ных) и пыталась сообразить, чего от них хочет этот важный, явно небедный и весьма симпатичный господин, ее спутник честно признался:

— Эт мне матушка сделала, она у меня швея. А что?

— Да вот, понравился покрой. Кхм. Меня Александр зовут, а вас как?

Паренек открыл было рот, но сказать так ничего не успел. Это его сестра наконец-то пришла в себя и тут же вклинилась в беседу:

— Маша! А брат Силантием будет.

— Рад нашему знакомству. Так как я могу увидеть вашу матушку?

Родственники дружно переглянулись и почти одновременно сказали друг другу:

— Я провожу!

Судя по результатам хоть и короткого, но очень энергичного спора, в семье у них царила самая что ни на есть оголтелая бабовщина. Потому что решающий аргумент прозвучал так:

— Тебя мама заругает!

В результате паренек отправился прежним курсом, а Машенька немного торопливо повела князя за собой, то и дело покрываясь легким румянцем и стараясь не сильно откровенно разглядывать своего попутчика. Идти пришлось недолго, и уже через десять минут они подошли к небольшому, но очень ухоженному дому: во всем чувствовалась хозяйская рука, от одинаково ровного заборчика и свежей побелки стен до любовно ухоженного палисадника с ровными рядками грядок.

— Чего изволите, господин хороший?

— Кхм. Ваш сын сказал, что костюм ему вы шили сами. А ткань для него где взяли?

Насторожившаяся было женщина слегка расслабилась и тут же шикнула на дочку, попытавшуюся задержаться рядом и немного «погреть уши»:

— Опаздываш! А зачем это вам, господин хороший?

— Меня Александр Яковлевич зовут, а вас?

— Зина. Зинаида Меркуловна буду.

— Так вот. Если есть еще такая ткань, так я бы купил?

— Хм. Ну, положим, это я сама сделала. А сколько, вы говорите, вам надо?

— А сколько есть, столько и возьму.

Через пару минут Александр мят и гладил маленький рулончик серовато-коричневатой материи, одновременно пытаясь найти в ней отличия от той «джинсы», что он помнил.

«Цвет другой. Погрубее немного и явно прочнее. Как это я удачно зашел!»

— А еще мягче можно сделать?

— Так чего сложного-то? Берешь да делаешь. Я сколько надо, столько и спворю. Ежели в цене сойдемся.

— Сойдемся! А технологию изготовления не продадите?

Александр увидел откровенное недоумение в глазах своей собеседницы, запнулся и стал говорить попроще:

— Понравилась мне ваша ткань. До того понравилась, что захотелось и самому такую выделывать, тем более что у меня вскоре небольшая мануфактура будет, как раз швейно-ткацкая. Вы моим мастерицам все покажете да растолкуете подробно, что и как делаете, а я вам заплачу за труды. Сколько скажете, столько и заплачу. Как?

Женщина раздумывала недолго: оглядев князя с ног до головы так, будто видела его в первый раз, тряхнула головой и, довольная, согласилась:

— Чего ж не растолковать, коли просят. Вот... А ежели я двести рублев попрошу?

Фабрикант молча достал портмоне и вложил в руку оторопевшей женщины пять радужных ассигнаций, заставив ее на автомате перекреститься от вида ТАКИХ деньжищ.

— Что-то мало вы свой труд цените, Зинаида Меркуловна. Когда выделка пойдет — вам еще столько же будет. Договорились?

— А... Это... Коли не выйдет ничего, тогда что — денежки взад, да?

— Тогда это будет платой за беспокойство. Так мы договорились?

— Договорились! Куда прийти?

— В заводоуправление новой оружейной фабрики. Знаете где? В два пополудни или немного позже, как вам удобнее будет. Назовесь охране — вас ко мне и проводят.

Судя по легкой задумчивости на лице Зинаиды Меркуловны, она начала спешно вспоминать имена всего фабричного начальства, но, по всей видимости, до правильных выводов так и не додумалась.

— Непременно, как есть буду. Всего хорошего вам!

Неуловимо быстро спрятав ассигнации куда-то под передник, хозяйка проводила своего гостя (практически благодетеля) до калитки, подозрительно поглядела по сторонам, еще раз попрощалась и тут же бодрым шагом заспешила в дом.

«Сейчас разложит сотенные на столе, проверит-осмотрит каждую и запрячет так, что хрен найдешь. Бойкая женщина, и это внушает определенные надежды».

Добравшись до фабрики, ее хозяин добрых полчаса слышал в основном одну и ту же фразу, причем практически без изменений:

— С прибытием, Александр Яковлевич!

Сезон «приветствий» открыла охрана, затем господин управляющий, затем эстафету подхватили работники бухгалтерии (именно работники, женщину для такой ответственной работы Александр так и не смог найти, да и не пытался — бесполезно), потом в полном со-

ставе отметились работники опытного участка во главе с Валентином Ивановичем.

«Это я еще попросил Андрея Владимировича не афишировать мой приезд сегодня. А то наверняка бы еще куча народу набежала, так сказать, посылно выразить охватившую их радость и почтение. А может, еще и заявятся, время далеко не позднее. Строители, например».

— Помаялся да на четвертый день ко мне подошел — занятие для себя попросил.

— Гм. Простите, Валентин Иванович, каюсь — прослушал. Кто подошел?

— Григорий Дмитриевич.

— О?.. И к какому же делу вы его приставили? Признаться, мне крайне любопытно.

— Ну, памятуя о его пристрастии к стрельбе — на испытания новых моделей «агрени» и всех вариантов патронов с остроконечной пулей. Собственно, больше ничего и в голову не приходило, да-с. Кстати, не изволите ли освидетельствовать наши достижения за прошедшее время?

Валентина Ивановича явно распирало желание как можно скорей начать хвастаться. То есть как можно более подробно отчитаться об очередных достигнутых рубежах. Ну и услышать одобрение вместе с похвалой, желательно — в виде небольшой, но очень приятной премии.

— Вот-с, прошу!

На длинный деревянный верстак слесаря сгрузили три ящичка-кейса и тут же отошли в сторону, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания — а то еще попросят устроить перекур на свежем воздухе. Откинув крышку на первом, Александр любовно провел кончиками пальцев по оружейной стали.

«Так. «Рокот-компакт», давно пора. Такой же «орел», а вот и обещанные сюрпризы»

Пистолет сверкал и привлекал к себе внимание, словно бы магнитом притягивая взгляд своей необычно контрастной отделкой. Очень простой, но от того не менее красивой, в которой гармонично сочеталось как фиолетово-черное воронение, так и ярко-белое покрытие. Хромом?

— Это вы чем так? Никель, хром?

— Никель, Александр Яковлевич. Гальванеры наши расстарались. А вот вариант с хромированием. Еще одна модель, по моему скромному мнению просто-таки обреченная на коммерческий успех.

Греве открыл второй ящичек и достал другой пистолет, тоже никелированный, но несуразно маленький, в котором с некоторым трудом (и изрядной долей фантазии) можно было опознать основательно изуродованную «плетку». Подав его Александру, вместе с магазином на пять патронов, оружейник пояснил:

— Господин Грейн несколько раз интересовался, нельзя ли и для дам что-либо придумать. И очень просил увеличить поставки «орла». Прямо-таки в каждом письме, самым настоятельным обра... так вот: имеются еще несколько вариантов дамских пистолетов, в том числе и револьвер под малокалиберный патрон.

«Н-да. Ведь знал о такой возможности, но даже не озаботился намянуть на нее мастеру. А Валентин Иванович молодец, начал о дальнейших перспективах думать. Военные в высоких чинах сродни воронам и так же падки на все блестящее. Надо будет срочно готовить подарочные комплекты — скоро опять в Ораниенбаум ехать, общаться с высокой Комиссией. Или не скоро?»

Оружейник, заметив, что князь положил обратно дамский пистолетик, тут же с видом фокусника извлек из кейса новый сюрприз: с виду обычный «рокот», только у этого все формы были чуть больше «зализаны», ствол выступал немного вперед и был заметно толще, вдобавок имел резьбу под глушитель. Предохранитель на три позиции, рукоять длиннее привычной. Интересно почему?

«Потому что к ней крепится приклад из стальной проволоки. А вот и он, как и обоймы повышенной емкости. Охренеть! Интересно, он мне тут пулемет не изваял случайно — так, промежду делом?»

— Это я учел некоторые ваши пожелания, Александр Яковлевич. По поводу скрытого ношения и удобства применения — в том числе. Покамест в единственном экземпляре изготовлено, но ежели будет ваше одобрение... Пришлось немного переделать спусковой механизм и еще кое-что по мелочи: ствол, пружина, предохранитель — зато теперь он выдает по три выстрела зараз!

Князь повертел оружие в руках, попробовал разные хватки, сунул в карман и примерился, как он извлекается обратно. После чего с тяжелым вздохом сожаления положил красавца обратно, но недалеко от себя.

— Валентин Иванович, если вы сейчас и самозарядную винтовку мне представите...

— Увы, Александр Яковлевич, увы. Тут пока особых успехов нет — можно сказать, все только начинается, да-с. Но и без этого есть чем порадовать. Вот, прошу, все как вы и заказывали!

Теперь Александр держал в руках нечто, очень похожее на легенду. «Маузер К96», любимое оружие будущих революционеров. А что, похож, даже очень! Только магазин отъемный и калибр в три линии. Вот это вес у кобуры-приклада! Да им одним убить можно, если удачно кинуть и попасть. А, еще и запасные магазины в него впишутся, тогда понятно. И все же тяжеловата будет штучка, особенно для постоянного ношения на поясе. Зато как дубинка просто выше всяких похвал. Да. Линейка пистолетов вышла просто на загляденье, вернее, на любой вкус, цвет и размер».

— Очень хорошо, Валентин Иванович, я завтра же, прямо с утра, поработаю на стрельбище и надеюсь, замечаний будет немного. А как идут работы по новым боеприпасам?

Когда в опытный участок торопливо зашел Григорий, принеся с собой стойкий запах сгоревшего пороха и оружейной смазки, князь с непонятым выражением на лице разглядывал пилу. Никелированную ампутационную пилу номер два, из большого хирургического набора, сверкавшую в отраженном свете солнца своими мелкими, но даже на вид очень острыми зубчиками. Неприятно так сверкавшую, очень неприятно.

— Командир, ну наконец-то!!!

— Здравствуй, Гриша. Смотри какая штучка! Прямо мороз по коже, как подумаю, для чего она предназначена!

— Да?.. И для чего?

— Ноги-руки отпиливать живым людям. Ты чего, мне не веришь, что ли?

Гриша гулко сглотнул и стал не таким жизнерадостным, а когда кинул взгляд на верстак, то еще больше посмурнел. От вида всевозможных зажимов, непонятных крючков-ножичков и прочих блестящих железяк самого что ни на есть хищного вида, сильно смахивающих на обычные инструменты... самого обычного палача.

— Что, правда, что ли? И зачем это надо — у живых людей ноги пилить?

— Ну как же? Для их же пользы. Бывает, потом еще и благодарят. Иногда.

Всю сценку испортил Греве: внезапно закашляв, он отвернулся и затрясся в конвульсиях смеха. Его примеру последовал Александр, а следом и мастеровые, измученные длительным молчанием, жизнерадостно заржали. Но тут же спохватились и сделали вид, что ничего такого и не было, потому что смеяться над начальством в присутствии этого самого начальства — ну его, от греха подальше. Опять же говорят, что для жалованья очень вредно. Последним заулыбался сам Григорий, сообразивший, что его попросту разыграли.

— Ну видел бы ты свое лицо! Уж прости, не удержался. Кстати, ты же как-то раз попадал в лазарет и на столе у хирурга побывал — неужто не видел ничего подобного? Мне вон той ерундовой рану чистили разок, так на всю оставшуюся жизнь запомнил.

— Видел? Да чего я там видеть-то мог? Седмицу только и дали поваляться, а потом на излечение выпнули. Это... Мож, до столовой дойдем, а?

Греве и князь переглянулись, прислушались к своим животам. Зря старались, Гришина утроба своим урчанием заглушала все.

— Хорошее, а главное, очень своевременное предложение!

Зинаида Меркуловна оказалась женщиной не только бойкой, но еще и пунктуальной: ровно в два часа дня она подошла к охраннику и заявила, что ее ждут. Тот оглядел ее, уделив особое внимание затейливой вышивке на пышной груди, и лениво поинтересовался:

— Кто ждет? Ежели насчет работы, так энто тебе в управу надо. Только я и так тебе скажу: не нужен пока никто.

— Мне к Александру.

— Тут Александров много, к какому именно?

Страж ворот как-то странно поперхнулся, непроизвольно вытянулся по стойке «смирно» и разгладил складки на своей форме.

— Вы это, обождите немного, щас все устроим!

Рысью убежав в караулку, охранник почти сразу же вернулся обратно в компании старшего смены. Тот был приветлив так, будто увидел собственную жену после долгой разлуки, отчего Зинаида даже оглянулась в сомнении — точно ей улыбаются? А то, может, кто за спиной стоит да рожи корчит. Поинтересовавшись драгоценным именем уважаемой посетительницы и кивнув самому себе, старший охранник повел швею по аккуратно ухоженным дорожкам, мимо больших цехов из красного кирпича, красивых клумб с цветами и деловито спешащих мастеровых. Шли недолго, и чем ближе подходили к невысокому заборчику из толстых досок, тем чаще украдкой крестилась женщина: такое впечатление, что невдалеке от них кто-то оживленно воевал — до того часто звучали хлопки выстрелов.

— Это что у вас такое тут творится-то?

— Да вы не обращайтесь внимания, Зинаида Меркуловна. Вот тут на лавочке немного обождите, я быстро обернусь.

Ее наниматель появился через пять минут, одетый в такую же непонятную одежду, что и проводник. Только тот был застегнут на все пуговицы и чистый, а у Александра оба рукава слегка закатаны, на одном из них пыльный след, воротничок нараспашку, к штанинам пристали сухие травинки, и на ремне кобура с большущим пистолетом.

— Что, уже пора? Как быстро время летит! Ступай, Егор, дальше я сам.

Тут из-за забора показался еще один мужчина — и тоже с кобурой на поясе, состроивший вопросительную гримасу.

— Чего, командир, все на сегодня? Или еще попозжа?

— Да вот, дела образовались. Забери-ка у меня «рокот», не ходить же с ним по заводу. Не дай бог, Сонин увидит — подумает чего дурное.

— А ты сейчас куда?

— К нашим швеям и ткачихам, порадую их первым заданием.

— О, тогда и я с вами.

В этот раз начальная цеха выгонять Григория не рвался: спокойно подошел, вежливо (с некоторой натугой, но все же) поздоровался. После чего подозрительно оглядел непонятную парочку из неряхи-охранника и женщины лет так сорока, осматривавших в глубине перво-

го этажа станки. Причем первый бесцеремонно срывал защитные чехлы с оборудования и что-то объяснял, а вторая не ленилась пощупать (с явно видимым почтением) и погладить все своими руками.

— Простите, господин инспектор, эти люди — ваши подчиненные?

— Э? А разве у меня такие есть?

— Так. Опять, значит!

Собеседник Григория моментально закипел наподобие чайника и резво двинулся наводить порядок на своей территории. А господин Долгин злорадно улыбнулся, подошел поближе и приготовился слушать и наслаждаться.

Молодой промышленник как раз спрашивал у привлеченного специалиста, что той надобно для начала трудового процесса, как его бесцеремонно прервали:

— Попрошу покинуть помещение!

Зинаида Меркуловна, не раздумывая, сделала шаг к выходу и остановилась — ее работодатель уходит не спешил, вместо этого с явным удивлением осведомился у своего гонителя:

— Собственно, вы кто?

— Начальник этого цеха!

— И чем же мы вам помешали, господин начальник цеха?

— Тем, что создаете неудобство для производственного процесса и мешаете персоналу. Мне повторить свое требование? Посторонним здесь не место!

— С каких это пор я стал таковым?

Александр все никак не мог понять — это розыгрыш? Или молодчик напротив него на полном серьезе выгоняет ХОЗЯИНА фабрики из цеха этой же самой фабрики?! Все мастеровые его в лицо конечно же не знали, но вот среди инженерно-технического состава таких просто не осталось — особенно после прошлого его визита на фабрику, когда он устроил большое турне по всем цехам. И кому это он тут мешает? Два наладчика — вот и весь «персонал».

— Вижу, что по-хорошему вы не желаете. Господин инспектор!

Григорий тут же подошел с самым невозмутимым выражением на лице:

— Да, Константин Эдуардович?

— Не могли бы вы известить старшего охранной смены о происходящем здесь безобразии?

— Отчего же, только рад буду. Командир?

— А я порадуюсь, если ты этого крикуна с собой заберешь. Хотя действительно, давай-ка сюда старшего охранника.

— Что здесь происх...

Князь, не дослушав, оборвал:

— И все рапорта по этому цеху пусть прихватит — посмотрим, нет ли нарушений каких или замечаний. Зинаида Меркуловна, вы пока

походите, осмотритесь, подумайте, с чего начнем. А как я освобожусь, мы с вами продолжим.

Притихшая от обилия впечатлений женщина как-то робко кивнула и бочком-бочком отошла в сторону: она моментально поняла, с кем так непринужденно общалась последнее время. Работающий на фабрике муж не раз говорил ей, что охрана фабрики подчиняется только ее владельцу.

— Ну что же, господин начальник. Позвольте и мне представиться: князь Агреньев, Александр Яковлевич. Пока Григорий Дмитриевич выполняет вашу просьбу, не будете ли вы так любезны устроить мне экскурсию по МОЕМУ цеху?

Первое, что бросилось ему в глаза при виде мастериц, — их молодость.

«Хм, прямо как на подбор: статные, красивые, ни одной дурнушки нет — вот только что-то сомнительно мне, что у них большой опыт. Скорее уж большие... кхм. Какой у меня гид скромный да молчаливый стал, ну просто прелесть. Только что-то уж больно бледноватый».

Везде, где проходила парочка из неряхи-охранника и начальника производства, наступала полная тишина и следовал острый приступ трудоголизма в самой тяжелой его форме — вот только делать девушкам было практически нечего. Оборудование уже стояло (правда, кое-где еще возились слесаря, настраивая и проверяя все в последний раз), да вот материал для работы отсутствовал: так, едва-едва пошить сотню рукавичек или пару спецовок для рабочих. Но не впятером же одну варежку кроить?

«Интересно, чем же они день напролет занимаются?»

Этот же вопрос он повторил вслух — оказывается, осваивают до ужаса современное оборудование путем перевода немногочисленных запасов ткани в разные изделия и отходы.

— Например?

— В основном одежду для мастеровых.

— Понятно. Кстати об одежде.

Выбрав девушку с иглой в руках, Александр в два шага оказался рядом, раскатал правый рукав своей куртки-ветровки и ласково поинтересовался:

— Красавица, ты мне не поможешь? Рукой неловко дернул, пуговица и отлетела.

Залившаяся румянцем девушка в два счета ликвидировала непорядок, поведала, что ее зовут Дашенька, и умчалась — видимо, по очень важным и неотложным делам. Проводив ее взглядом, князь задумчиво-одобрительно хмыкнул. Оглядел оставшихся девиц (у всех были одинаково серьезные лица) и решил, что на сегодня увидел вполне достаточно.

— Ну что, Константин Эдуардович, теперь поговорим о вас?

ГЛАВА 2

Вернувшись на первый этаж, князь понял — сегодня он на стрельбище не вернется.

«Гришка с главстарожем — это понятно, сам сказал привести. Но откуда здесь Лунев взялся?»

Пока Александр удивлялся, народу добавилось: вначале подошел господин управляющий с тонкой кожаной папкой в руках, затем почти одновременно подтянулись Грече и прораб от строителей, а на заднем фоне неприкаянной тенью бродила некогда бойкая швея. Поприветствовав всех новоприбывших, князь тихо вздохнул и стал выяснять, кому он нужен срочно, а кому не очень: стряпчий легко согласился перенести свой отчет на вечер, Грече пришел за замечаниями-пожеланиями по результатам испытаний новинок и вполне мог обождать. Один прораб оказался максималистом и заявил, что заказчик должен посвятить ему как минимум полдня — уж больно много вопросов накопилось.

— Каких вопросов, позвольте осведомиться?

— Да все тех же, ваше сиятельство, все тех же. Ваш управляющий регулярно вносит изменения в утвержденный план-график строительных работ, вследствие чего возникло несколько сомнительных моментов. А также дополнительные траты. Мне ведь лишних материалов и людей взять неоткуда, а он все добавляет и добавляет!

— Понятно. Перенесем наш разговор на следующий день, вернее, позднее утро. И вам всего хорошего. Андрей Владимирович, у вас что-то важное?

— Да, Александр Яковлевич, но тоже может обождать: несколько бумаг, требующих вашей подписи, доклад о состоянии дел на фабрике, также хотелось бы узнать, когда вы планируете провести смотр школы. Кстати, в вашем доме навели порядок и завезли все необходимое, не прикажете ли посыльного в гостиницу за вещами?

— Был бы вам очень признателен. Через полчаса я сам зайду в управу, и, кстати, мне бы хотелось побеседовать в вашем присутствии с начальником этого цеха. Есть, знаете ли, к нему несколько вопросов.

Отправив стряпчего в компании с Григорием и Валентином Ивановичем осматривать свой коттедж, князь завершил-таки беседу с оробевшей Зинаидой Меркуловной, проводил ее до проходной и... слегка очумело потряс головой, глядя ей вслед — что-то уж больно много говорить приходится. Постоял немного в тишине и отправился на третий этаж управы, прикидывая по пути, что же он сегодня еще успеет? Выходило, что ничего, так как остаток дня его уши будут плотно заняты.

«Между прочим, там и мой кабинетик должен быть в наличии. Надо бы его осмотреть».

Рабочее место Сонины оказалось неожиданно маленьким: почти все свободное пространство занимал большой стол для совещаний и стеллаж с разнообразнейшими справочниками и образцами продукции. Мирной в основном. Было и оружие: на лакированной буковой подставке, слева от окна, на манер японских мечей возлежали две «агрени» и одна МАг. Над ними на отдельных подставочках висели пистолеты. Жестом вернув управляющего на законное место за столом (которое тот было попытался ему уступить), Александр устроился на стуле для посетителей и выложил перед собой жиденькую стопочку листов.

— Так. Начнем, господа. Андрей Владимирович, отчет по предприятию я выслушаю завтра, и, кстати, можно и на дому. Как-никак суббота будет, ваш законный выходной. Константин Эдуардович, позвольте полюбопытствовать, какое учебное заведение вы окончили?

Бледновато выглядевший начальник цеха кашлянул и с готовностью ответил:

— Императорское Московское Техническое училище, ваше сиятельство.

— По специальности?

— Техник-механик, ваше сиятельство. Выпуск прошлого года.

— То есть опыт работы именно в ткацком или швейном производстве у вас отсутствует. Далее, я заметил, что весь персонал составляют исключительно молодые девушки. Вы не объясните мне, почему так?

— Так ведь оборудование новое, и я подумал, что будет проще набрать именно молодых. У них нет детей, следовательно, больше времени на освоение станков и саму работу. Опять же скорость обучения выше, и жалование можно меньше платить в первый год.

— Логично. Насчет жалования вопрос спорный, но в общем и целом подход верный, да.

Племянник и дядя быстро переглянулись и позволили себе: первый — улыбнуться, а второй слегка расправить плечи. Ненадолго.

— Из рапортов охраны следует, что вы дважды пытались пройти в оружейные цеха. Скажите, вас там интересует что-то конкретное?

Теперь уже Сонин побледнел и замер, а его племянник растерялся — вопрос прозвучал вкрадчиво-угрожающе и подразумевал **ОЧЕНЬ** правдивый и убедительный ответ. Пока Константин хлопал глазами и мучительно пытался подобрать слова (что было весьма и весьма непросто сделать под тяжелым взглядом князя), Андрей Владимирович начал спешно выправлять ситуацию:

— Ваше сиятельство, насколько я помню, это было в один из первых дней работы Кости. Простите, Константина Эдуардовича. Тогда

он еще не вполне освоился с нашими порядками. Уверяю вас, в дальнейшем такого не повторилось!

Фабрикант в показном сомнении покачал головой и продолжил разное:

— Разве? Вас ознакомили с правилами внутреннего распорядка? Тогда почему вы не допускаете охрану к осмотру цеха?

— Ваше сиятельство! Эта охрана больше на девиц смотрит, а не на помещения. И остальные туда же: что ни день, так новый ухажер!

«Он себе за мой счет гарем решил собрать, что ли?»

Судя по тому, как поморщился Сонин, он тоже подумал что-то в таком же духе.

— По этому вопросу напишете служебную записку — и поменьше эмоций. В дальнейшем, будем надеяться, вы не дадите более поводов для нареканий. Теперь о работе. Завтра в цех подойдет женщина — вы могли ее видеть рядом со мной, — отнесите внимательно ко всем ее пожеланиям, я попросил ее помочь наладить выделку перспективного вида ткани. В случае затруднений — к Андрею Владимировичу или ко мне. Вопросы? Отлично, тогда я вас более не задерживаю.

Подождав, пока Константин выйдет, владелец фабрики осведомился у своего управляющего: чем тот руководствовался, назначая на новое производство неопытного выпускника? Родственными чувствами? Тактично напомнив Сонину, чем тот рискует, в ответ Александр услышал искреннее покаянное признание:

— Ваше сиятельство, да я и сам понимаю, что он еще неопытный юнец, но где взять опытного? И родственник он мне достаточно дальний: его матушка приходится сестрой моей жене. Собственно, она и хлопотала. Аттестат у него отменный, специализация подходящая, старательность есть. Даже бывает что и чрезмерная. Конечно, решать вам.

— Поглядим, как он себя проявит. Хорошо. Ах да! Вы не покажете мне мой кабинет?

Просторный (раза в два больше, чем у управляющего), пустынный, с массивной мебелью и огромным окном на всю стену — он сразу не понравился владельцу. Так не понравился, что Александр тут же предложил своему спутнику поменяться рабочими местами, ментально получил довольное согласие и распорядился напоследок:

— Поставьте мне надежный сейф, наподобие вашего. Даже два: один большой на виду и один маленький где-нибудь в укромном местечке.

До своего нового дома князь добрался уже в подступающих сумерках: несколько бумаг, требующих его подписи, чудесным образом увеличились до полусотни. Каждую требовалось обсудить, уточнить, принять решение! Нет, в принципе с большей частью Сонин мог разобраться и сам, но, видимо, господин управляющий попросту ре-

шил подстраховаться. Не без труда сориентировавшись, Александр преодолел последние лужи грязи, обогнул пару куч земли и вышел на утопанную дорожку, заканчивающуюся у крыльца небольшого и уютного коттеджа. Относительно небольшого, конечно: и второй этаж был, и мансарда, и все прочее — чего на себе любимом экономить? В гостиной и вообще на первом этаже было пусто, и он отправился на поиски своих гостей выше. Кабинет встретил его потряскиванием рдеющих углей в камине и задремавшим в кресле стряпчим, а Гриша и Валентин Иванович обнаружили в соседней комнате. Но были так заняты обсуждением интересующей обоих темы, что даже не услышали его шагов.

«Ну конечно, о чем могут разговаривать два мужика на отдыхе: об оружии и бабах. Пардон, женщинах. Я удивлюсь, если спиртного не увижу».

— Сидите-сидите, я уж как-нибудь сам налью.

Князь немного помедлил да и махнул на все рукой — дела подождут, а вот возможность просто посидеть и поговорить в хорошей компании бывает нечасто. А она была хорошей, причем вскоре стала еще лучше, потому как Лунев, разбуженный громкими голосами и смехом, поспешил присоединиться к такому замечательнейшему действию.

Несмотря на солидную дозу алкоголя в крови (а может, именно поэтому), спать не хотелось, — поворочавшись с полчаса в постели, Александр встал, походил немного по комнате и неожиданно даже для себя захотел полюбоваться ночным небом. Вдосталь насмотревшись на звезды и ярко сияющее Волчье солнышко (тем более красивое, что было полнолуние), молодой мужчина вернулся в дом. Прошел в кабинет и, подбросив в зев камина тройку ошкуренных от коры полешков, устроился поудобнее в кресле перед огнем, бездумно любясь танцем пламени.

«Как можно влиять на сильных мира сего? Стать им полезными — и к тебе будут прислушиваться. Или стать таким же, как и они, доказав свое право на ВЛАСТЬ. Все мои предприятия ничего не значат в глазах любого великого князя. Или министров. Зато значит титул. Правда, не так уж чтобы много. А для других ничего не значит то, что я дворянского рода, а вот заводы (особенно прибыль от них) значат, и немало. Как бы все это соединить?»

Александр встал, походил в раздумьях и уселся обратно. Опять вскочил и принялся нарезать круги вокруг письменного стола, время от времени останавливаясь и яростно черкая карандашом на листах отличной мелованной бумаги.

«Главное — заработать доверие у крестьян и мастеровых. Ведь они всего лишь девяносто пять процентов населения империи — та-

кая малость, право! А заработать его можно только делами. Причем связанными с их бытом и нуждами, а не... В принципе как князь империи я легко приобрету землю. А как промышленник и начинающий политик я четко знаю, где это лучше сделать. Только надо все хорошенько обдумать, прикинуть, расписать по пунктам. И если лет через пятнадцать — двадцать мои цели будет разделять хотя бы десять процентов населения империи, у меня появится настоящая точка опоры. Вот тогда и посмотрим, кто будет голодать, а кто жиреть на чужой крови».

В широком окне в кабинете хозяина фабрики до самого утра горел свет.

Компания собралась в том же составе: свежие, отдохнувшие, полные сил!.. Прямо будто бы и не сидели вчера до часу ночи. Лунев разложил свои бумаги и даже открыл было рот, но сказать ничего не успел.

— Вениамин Ильич, у меня есть для вас новые поручения.

Стряпчий тут же преисполнился неподдельного внимания и предвкушения: хотя все задания его клиента были разные, они неизменно обогащали и его. Опять же это были не уныло-рутинные (и копеечные) тяжбы в судах, а крупные, можно сказать — миллионные дела! Да и его репутация как юриста заметно упрочилась. Вообще, в последний год с ним стали приветливо здороваться даже те, кто его раньше и в упор не замечал.

— Я решил приобрести крупный участок земли. Вернее, несколько таких участков.

Вениамин Ильич не глядя раскрыл свой портфель и вытянул из него перьевую ручку, готовясь записывать прямо на своих отчетах.

— Меня интересует местность по рекам Амур и Уссури. Чем больше, тем лучше. Также земля рядом с озером Байкал, вернее, вокруг него. А еще лучше вместе с ним. Постарайтесь устроить все побыстрее вскоре возможно подорожание. И, Вениамин Ильич, для меня это очень важно.

— Э? Александр Яковлевич, а по каким причинам там подорожает земля? Это же несусветная глушь, я про озеро только от вас и услышал. И о второй реке тоже.

— Сведения тайные, прошу это учесть.

Александр обвел всех значительным взглядом, повышая интерес к своим словам.

— В следующем году будет принято решение о строительстве железной дороги на Дальний Восток империи, к побережью океана. Одна из веток будет проходить рядом с Амуром, другая — рядом с этим озером. Второе. Нужен дом или участок под его постройку в столице: для устройства оружейного салона и представительства

компании, вернее, обеих моих компаний. Ну и напоследок: нет ли у вас на примете полицейского в отставке? Честного, обязательно умного и с хорошим опытом работы с мошенниками и тому подобной публикой?

— Простите, а зачем? Я к тому, чтобы мне не ошибиться.

— Некоторые наши постоянные покупатели выражают желание... сильное желание брать товар в кредит с выплатой положенного после его реализации. Я ничего не имею против. Но хочу заранее оценить возможные риски и знать ВСЕ о таких господах. Вот этим и будет заниматься рекомендованный вами человек — если сам пройдет проверку. Ну и еще кое-чем по мелочи.

Лунев глубоко задумался и сидел так минут пять, после чего уверенно кивнул:

— Есть такой, Александр Яковлевич. И даже не один! Дайте мне пару дней навести справки, после чего я представлю вам подходящие кандидатуры.

— Хорошо, я скоро собираюсь в Петербург, там все и обсудим более подробно.

Прервавшись ненадолго на завтрак, устроенный предусмотрительным Греве на свежем воздухе веранды (как потом выяснилось, тот договорился с женой управляющего фабрикой о долгосрочной «аренде» ее кухарки), они продолжили беседу-совещание с новыми силами. Тем более что к ним почти сразу присоединился и Андрей Владимирович — и опять-таки с неразлучной папкой в руках.

— Ну-с, теперь-то я могу? Угум. Я виделся с господином Луцким, и он согласен встретиться с вами в любое удобное время. Удобное вам, Александр Яковлевич. Собственно, он наверняка ждет телеграмму и немедленно выедет — и знаете, мне показалось, что он питает нешуточные надежды, да-с. С остальными господами из вашего списка пока неясно, ими занимаются мои помощники, но я думаю, каких-либо сложностей не будет. Теперь о деле с акциями Коломенского завода. Господин Лессинг категорически отказался даже говорить на эту тему, как и Радзевский. А вот третий крупный акционер, господин Бисер, согласен, но просит на двадцать процентов больше нынешней цены. К моему глубочайшему сожалению, на таких условиях покупка завода не представляется возможной.

Тихо сидевший «сосед» — его дом был всего в двадцати саженях от этого — слегка кашлянул, привлекая к себе внимание, и осторожно поинтересовался:

— Прошу прощения, Александр Яковлевич, что вмешиваюсь в вашу беседу. Скажите, а завод нужен именно в Коломне? Ежели нет, то паровозостроительный завод в Людинове почти не хуже. Был, по крайней мере.

— Хм? Пожалуй. Вениамин Ильич, узнайте все по этому вопросу. А по поводу Коломенского машиностроительного — все же скупите все акции у мелких держателей, пока на свое имя. И передайте мне все материалы об остальных акционерах — возможно, я смогу уговорить их немного погодя.

— Слушаюсь. Далее.

Стряпчий немного поерзал на своем месте, попутно извлекая из портфеля пачку писем и счетов.

— К винтовке «агрень» проявили интерес господ из Греции и Аргентины. Они желают как можно быстрее провести сравнительные испытания.

— Простите, что перебиваю вас, а с чем будут сравнивать?

— Наши основные соперники — это фирма братьев Маузеров и Манлихер, но, по моему сугубому мнению, их шансы достаточно слабы. Я могу продолжать? Благодарю. Также их интересуют пистолеты, но это еще не точно. Деньги за сотню винтовок уже поступили на счет компании, но возникли некоторые сложности. Андрей Владимирович сказал, что их серийная выделка еще не началась, а готовые без вашего разрешения?..

Лунев сделал паузу и вопросительно поглядел на князя. Тот благожелательно кивнул и успокоил Вениамина Ильича одной фразой:

— Завтра отгрузят.

— Благодарствую! И если это только возможно, нельзя ли в сопровождение дюжину ваших ветеранов? Будет кому демонстрировать оружие, да и мне, знаете ли, поспокойнее.

— Григорий?

— Сделаем, командир.

Дождавшись своей очереди, заговорил Сонин. По его словам, подкрепленным многочисленными доказательствами на бумаге, чистая прибыль в месяц составляла никак не меньше полста тысяч. В основном больше, причем был сильный перекося в пользу мирной продукции, но благодаря все возрастающим аппетитам Вальтера Грейна соотношение потихоньку выправлялось. Дела на фабрике обстояли очень хорошо, даже отлично местами. А вот за ее пределами проблемы были, точнее, одна, зато большая — отсутствие обученных мастеровых. Последние станки должны были установить и наладить еще до первых холодов, но вот работать на них было некому. Ну почти некому.

— Четверть от требуемого количества мастеровых, Александр Яковлевич! И если в новые, «пистолетные» и кузнечно-пресовые цеха я могу поставить вторую смену со старых цехов... кхе, относительно старых конечно же, то на производство винтовок и станкостроительное — увы. Насколько я знаю, с похожими проблемами столкнулся и Семен Венедиктович в Ярославле. Выпуск продукции он

увеличить хочет. И даже вроде бы и может — да вот некому работать. Приходится ему учить рабочих буквально на ходу и за свой счет.

— Н-да. Вот что. Составьте список. А, уже составили? Это вы весьма предусмотрительно.

Фабрикант быстро скользнул глазами по исписанному с двух сторон листу и ненадолго задумался.

— Так, понятно. Андрей Владимирович, а не съездить ли вам на свое прежнее место жительства? Помнится, вы мне не раз говорили, что на бывших мальцевских заводах многие мастеровые остались без работы? Терпят нужду и все такое прочее — думается мне, у нас им будет гораздо лучше. Заодно и Вениамину Ильичу поможете Людиновский паровозостроительный завод осмотреть.

— Что я им могу обещать, Александр Яковлевич?

— Зачем же обещать? Захватите с собой наш трудовой договор и честно разъясните его пункты.

Хозяин дома глянул на часы и тяжело вздохнул — пора отправляться погулять по стройке.

«Детские мечты сбываются. Как всегда — с большой задержкой».

— Валентин Иванович, я вот тут набросал несколько предложений по улучшению пистолета-карабина и остальных наших новинок.

Оружейник быстро просмотрел длинный перечень переделок и исправлений, глянул на приложенные эскизы, после чего энергично кивнул и уточнил пару непонятных ему моментов.

— Александр Яковлевич, так установку глушителя на пистолеты не производить?

— Да. Глушение весьма посредственное, если не сказать больше, поэтому и смысла никакого в нем нет. Лучше попробуйте поработать с револьвером — там перспектив больше, может, даже вариант с полной отсечкой звука получится.

— И еще. Переделать «орла» под трехпатронную очередь и полную очередь. А «рокот»?

— Вы знаете, третий выстрел там явно лишний, сильно страдает кучность. Так что не стоит отличный пистолет превращать просто в хороший. На этом все, господа? Тогда меня ждут строители.

Прогулка-инспекция заметно подпортила князю настроение. Быть может, тому виной были грязь и мусор, неизбежно сопровождающие почти любую стройку (хотя лошадиный навоз все же стоило убирать), может, не совсем убедительные объяснения сопровождавшего его прораба по поводу замеченных им недоделок. Или на него так повлияло то, что он почти сразу наткнулся (хорошо хоть не вляпался) на стихийно образовавшийся туалет в укромном закутке между цехами (Иван Фадеевич этого «открытия» виртуозно не заметил, моментально отвлекшись на распекание подвернувшегося чернорабочего).

— Так что со всей ответственностью вынужден заявить вашему сиятельству о том, что всего запланированного на этот год выполнить никак невозможно!

— Что именно?

— Да вот взять хотя бы цех по выработке электроэнергии. Ваш управляющий добавил еще один в смету, да в самый последний момент, а значит — это никак-с невозможно, ваше сиятельство, совсем-с.

— Н-да. Скажите, любезнейший, а ваше начальство эти сметы подписало, документы согласовали?

— Точно так-с, ваше сиятельство, но...

Прораб всем своим видом показал, что он бы и рад угодить заказчику — да только это не в его силах.

— Понимаю. Ну что же, невелика беда.

— Благодарю, ваше сиятельство. А теперь прошу.

— Теперь, с вашего позволения, я договорю. Так вот: то, что вы не сможете выполнить запланированный объем работ, не беда — я найду того, кто сможет. А вы, вернее, ваше начальство заплатит солидную неустойку. И штраф — а это уже конкретно вы. Вот теперь мы можем двигаться дальше, на осмотр домов для мастеровых. Вы ведь это хотели предложить, не так ли?

Угрюмо-сосредоточенный прораб, не без вызова в голосе, осведомился:

— И за что же это мне положен штраф, ваше сиятельство?

— За что? Хм. Ну давайте поищем.

Легко и не напрягаясь (даже не сходя с места), заказчик нашел чертову дюжину подходящих поводов. Начиная с артели пьяненьких землекопов, расположившихся на отдых прямо в котловане, и того самого злополучного для строителя туалета и заканчивая полом из сырых досок в сборочном производстве одного из цехов. И неровной кладкой стены — там же. К концу перечисления почтенный Иван Фадеевич окончательно сник и даже не пытался говорить что-то в свою защиту. Видя это, Александр все же сменил гнев на милость:

— Так что, мне обратиться к господину Бари за неустойкой или вы?..

Воспрянувший духом прораб уверил князя, что не будет спать и есть (вернее, не даст этого делать своим подчиненным), а все положенное построит по самому что ни на есть первому разряду.

«Может, подарить ему треххвостый бич — гонять подчиненных? Или открытую кобурку с «орлом» на пояс повесить для повышения общего усердия подчиненных. А вообще действительно многовато навалили работы на дедушку, надо будет с Шуховым на эту тему поговорить. Так! Обязательную программу я выполнил, теперь можно откатать произвольную на стрельбище».

Уже на проходной Александр вспомнил, что обещал Сонину заглянуть в фабричную школу. Остановился было в сомнениях и пошел дальше: ждали его неделю, подождут и еще.

ГЛАВА 3

Стряпчий в Людиново не поехал, командировав вместо себя племянника Геннадия, как имеющего солидный опыт «приглядывания» за металлургическим производством. Пригладел за одним, оценит-осмотрит и другой, невелика разница. Сам же Вениамин Ильич энергично принялся исполнять новые задания князя. Так энергично, что уже через неделю тот прибыл для целой серии деловых встреч в конторку-офис стряпчего, который по такому случаю разогнал всех своих служащих на внеплановый отдых.

— ...развивая скорость до двадцати мерных верст в час, но, как вы понимаете, наиболее экономичный ход у самоходного экипажа будет не больше...

Инженер Луцкой к такой важной для себя встрече подготовился весьма и весьма основательно. Оформил красивый чертеж с разрезом своего двигателя, несколько графиков и расчетов. Даже один отзыв предоставил, довольно-таки невнятно-хвалебный (зато красивым почерком). И диплом об участии в выставке. Говорил уверенно и даже напористо, сыпал терминами и приводил многочисленные примеры.

«Что-то заносит слегка Бориса Григорьевича. Я-то понимаю, а вот обычный, можно сказать, среднеобразованный аристократ уже и засыпать бы начал. Разве что на «самобеглой телеге» востепенулся бы ненадолго. Может, поэтому его идеями в Главном инженерном управлении и не заинтересовались, что слишком умно говорил? О, даже указку не забыл прихватить на презентацию своего моторчика».

— Хорошо, я вас понял. Скажите, а кроме двигателя на вашем — как там его? — светильном газе у вас есть какие-либо иные прожекты? К примеру, на бензине?

— К моему величайшему сожалению, увы-с, готовых к показу нет. Но уверяю вас, представленный вашему вниманию образец вполне хорош и имеет большие перспективы!

— Хм? Большие перспективы у этого типа двигателей появятся с началом промышленной добычи метана ну или бутана, но не раньше. Так что по поводу других ваших идей?

Изобретатель заметно опечалился и честно признался:

— Мне нечего показать вашему сиятельству.

— Ничего страшного, меня вполне устроят ответы на несколько вопросов.

Вопросов прозвучало ровно три: о системе зажигания, подвеске и рулевой колонке. Но, отвечая на них, инженер кардинально поменял свое мнение о возможном работодателе. А заодно почувствовал себя так, словно опять сдает экзамен своим преподавателям в Мюнхенском технологическом. Его собеседник явно ЗНАЛ то, о чем спрашивал. И это притом, что сам Луцкой ответил, как бы это помягче выразиться, очень неполно.

— Ну что же. Вы весьма перспективный конструктор — вам говорили об этом? Нет? Тогда я буду первый. Последний вопрос, если позволите: какой годовой доход вас бы устроил?

Заметно порозовев, инженер почти без запинки назвал желаемую сумму, услышав которую Александр едва удержался от горькой усмешки: как дешево стоят таланты в России!

— Ну двадцать тысяч — это нормально. Даже хорошо, что вы так скромны, я бы даже сказал — излишне скромны, но это уже не мое дело. Правда, в подготовленном моим юристом контракте стоит несколько иная сумма, но, разумеется, выбор исключительно за вами. Вкратце мои предложения таковы: я открываю конструкторское бюро, вы набираете себе помощников, ну и возглавите — и первое, и вторых. Кстати, руководство сопутствующим хозяйством: испытательные стенды, необходимый станочный парк, мастерские — тоже ляжет на вас. Работы будет... много. Это все, что я могу сказать вам до подписания контракта. А вот и он, прошу ознакомиться.

Явно удерживая себя от того, чтобы не заглянуть сразу на последнюю страницу (и узнать наконец-то конкретную сумму своего возможного жалования), Луцкой стал тщательно вчитываться в ровные строчки текста. И почти сразу удивился:

— Простите, а что значит — проживание, питание и прислуга бесплатно?

— Это значит, что, когда вы подберете устраивающую вас квартиру, платить за нее будет компания. Первый год.

— А потом?

— А потом для вас построят отдельный дом, и вы переедете в него на тех же условиях. И остальное в том же духе, потому как вашей задачей будет плодотворно трудиться, а моей — создать для этого творчества наиболее благоприятные условия. Мне это ВЫГОДНО, когда мои сотрудники не отвлекаются на мелочные бытовые заботы.

«И охрану проще приставить, и конкурентам тебя переманить сложно будет — от такого-то социального обеспечения. Но это уже никому не нужные подробности».

Читая про две недели оплачиваемого отпуска, премии и бесплатного же врача, конструктор вопросов не задавал (только опять розоветь начал — уж больно все это походило на сказку). Пункты о коммерческой тайне, ответственности за ее нарушение и принадлежности полученных патентов работодателю тоже не вызвали его возражений, так как ему полагался неплохой процент. Добравшись наконец до самого интересного, Борис Григорьевич позволил себе минутку полюбоваться суммой месячного оклада в три тысячи рублей, после чего довольно вздохнул и осведомился:

— Мне уже можно подписывать?

Дождавшись, пока изобретатель заберет свой экземпляр контракта, его титулованный работодатель продолжил:

— Вот теперь мы с вами можем поговорить более предметно, Борис Григорьевич. Начнем с того, что вы составите списки: кто необходим и что необходимо для начала вашей работы. Только прошу подробнее. Затем определитесь с местом — желательно рядом с Сестрорецком, ну и как только вы это сделаете, я выдам вам первое техзадание. Или сейчас?

— Лучше бы заранее узнать, ваше сиятельство.

— Право же, давайте опустим все эти формальности, можно — Александр Яковлевич, я не обижусь. Хорошо, сейчас так сейчас. Так. Я вам перечислю экипажи, кхм, пожалуй, давайте назовем их автомобилями. Итак, где же будут установлены ваши двигатели: легкий автомобиль на четыре — шесть пассажиров. Средний, для перевозки двух пассажиров и небольшого груза пудов этак на шестьдесят, не больше. И тяжелый вариант, грузоподъемностью от ста до трехсот пудов. Где-то так. Конкретные цифры вы получите попозже. Ах да, я едва не забыл — вот в этом конверте аванс и прочие необходимые вам бумаги. Я буду в Сестрорецке завтра или послезавтра, там мы и продолжим наш разговор.

Передохнув за чашкой кофе, Александр опять принялся работать языком: побеседовал с тремя претендентами на должность зама по охране (и забраковал всех). Принял на работу сразу двух изобретателей по фамилии Тимченко и Самарский — эти господа независимо друг от друга придумали слабое подобие синематографа (вернее, камеры для него, только один назвал свое творение оптическим театром, а второй — стробографом). И тут же выдал им задание соорудить через год (можно и раньше, он не обидится) комплекс из нормальной киноплёнки и кинокамеры с проектором, для немого кино. А если будет возможность и время — так и нормальный пленочный фотоаппарат. Напоследок от души повеселил себя разговором с еще одним инженером-двигателем. Заодно понял, что чиновники из Главного инженерного управления не всегда ошибаются, называя какого-либо изобретателя — сумасшедшим. Это же додуматься надо — предложить двигатель внутреннего сгорания, работающий на водороде?! Причем это было еще полбеды, потому что такой двигатель был бы вполне реален лет этак через тридцать — сорок. Вот проблема безопасного хранения топлива...

«Европейцам бы впарить эту идею, желательно — с почти готовым прототипом. Эх, было бы реально, так я бы никаких сил и денег не пожалел для такого развития их прогресса. Как представлю ВОДОРОДНЫЕ заправочные станции, да где-нибудь на Елисейских Полях, ну или рядом с парламентом!»

Для следующей и последней на этот день деловой встречи князь вместе со стряпчим отправился в респектабельный и весьма дорогой

ресторан, славный не только стабильно высокими ценами, но еще и шеф-поваром из прекрасной Франции. Во-первых, элементарно хотелось есть, а во-вторых, именно туда согласился явиться для небольшого дружеского (ну или можно сказать — халявного) застолья коллежский советник Улитин, начальник одного из многочисленных департаментов министерства государственных имуществ. Вообще-то в министерстве таких, как он, хватало... если бы не одно обстоятельство: именно Яков Родионович имел постоянный доступ к уху и, если можно так выразиться, телу министра, являясь кем-то вроде доверенного лица последнего. Воздавая должное французской кухне (Александрю это удалось с некоторым трудом, так как он предпочел бы вместо невнятной водички под названием «луковый суп со свиным салом» — обычный наваристый борщ), собеседники разговаривали исключительно на незначительные темы. И только когда стол немного опустел, а сидящие за ним откинулись на спинки стульев в ожидании десерта, они перешли к обсуждению причин встречи.

— И чем же именно я могу помочь вашему сиятельству?

— Небольшой консультацией, уважаемый Яков Родионович, все-го лишь. Дело в том, что я намереваюсь приобрести несколько земельных участков на Дальнем Востоке. Вот и хотелось бы узнать, как это устроить наилучшим образом.

— Ну это вы обратились по адресу, да-с. Чем смогу, тем помогу, всенепременно. Так-с — сколько десятин и в какой губернии?

— Там не губерния, а Приамурское генерал-губернаторство. Вот, тут на карте отмечено. Простите, я не вполне уверен в стоимости одной мерной десятины?

Чиновник не упустил шанс показать свой профессионализм, моментально выдав справку:

— В среднем, ваше сиятельство, от четырех до восьми рублей за хорошую, то есть пригодную к земледелию, и полтора-два рубля за все остальное.

— Благодарю вас, Яков Родионович. Тогда получается — я желаю приобрести девятьсот тысяч десятин НЕ пахотной земли.

От такого заявления у чиновника приключилась легкая икота, но — что значит опыт — коллежский советник почти моментально ее задавил.

— Это по реке Амур, вот в этих местах и этих, поближе к устью. Другой участок, в пятьдесят тысяч десятин, по реке Уссури. И третий, в двести тысяч десятин, по берегам озера Байкал, это вот тут.

— Я вас понял, ваше сиятельство. Да-с, масштабы! Но возникнут некоторые трудности с вашим делом, определенно возникнут. Продажа ТАКИХ наделов производится только с высочайшего разрешения. Следовательно, вам потребуются веские обоснования такого ва-

шего желания — да-с, очень веские. К примеру, вы питаете намерение устроить там рудники. Вы меня понимаете?

— Конечно. Вениамин Ильич?

Стряпчий тут же передал чиновнику кожаную папку с документами.

— Здесь карта, на которой отмечены интересующие меня участки, и перечень того, что я хочу устроить на МОИХ землях. Лесопереработка, промысел и консервирование рыбы, небольшую транспортную компанию... кстати, вполне возможно, что и рудники появятся, на Сучанском угольном месторождении. Ну и еще кое-что по мелочи.

— Я думаю, этого вполне хватит, ваше сиятельство. Что же еще? Ах да! Ходят упорные слухи, что в тех краях, возможно, начнется строительство железной дороги. Это само по себе может несколько замедлить решение вашего вопроса.

— Признаться, долгое ожидание не по мне. А вы не можете поспособствовать моему делу? Я был бы очень признателен. Вам.

Одновременно с этими словами перед коллежским советником лег кусочек бумаги размером с визитку, на котором лаконично было написано — двадцать тысяч.

— И господину министру.

В этот раз на картонке стояла сумма в сто тысяч. Чиновник глубоко вздохнул, с некоторым усилием оторвал взгляд от таких приятных его сердцу цифр... И решительно пододвинул папку к себе поближе.

— Ваше сиятельство! Все, что только в моих скромных силах, я сделаю. Конечно, могут возникнуть новые обстоятельства — по поводу второго вашего предложения. Вы ведь знаете сами, это надо обсудить там.

Яков Родионович поглядел в потолок и многозначительно поиграл бровями.

— Понимаю и готов даже несколько увеличить мою благодарность, особенно если все устроится быстро и наилучшим образом. Мои интересы будет представлять господин Лунев, все технические вопросы вы можете решить с ним.

— В таком случае разрешите откланяться. Дела, знаете ли, не ждут, да-с.

— До следующей, надеюсь — весьма скорой встречи, Яков Родионович.

Оставшись вдвоем, князь и его поверенный в делах несколько минут молчали (Александр еще раз вспоминал весь разговор на предмет слабых мест, а Лунев просто наслаждался моментом). Потом Вениамин Ильич звонко щелкнул пальцами, подзывая официанта, когда же тот подбежал, всем своим видом выражая непреклонное желание угодить, он коротко бросил, сопроводив свои слова вальяжным жестом:

— Бутылку лучшего шампанского! Александр Яковлевич, не сочтите за лесть, но переговоры вы провели отменно-с, да. А это надо непременно отметить!

— Да? Ну что же, пожалуй, вы правы. Если это дельце выгорит, откроются такие перспективы!

Аристократ обратил внимание на загоревшиеся глаза своего юриста и моментально закруглился:

— О которых вы узнаете одним из первых. Что у нас на завтра?

— Завтра? Вы хотели уточнить состояние своих финансов в банке и навестить завод «Илис-Блитц». А вот и мой заказ несут!

На следующий день Александр решил немного побаловать себя и провалялся в постели почти до обеда, отсыпаясь впрок: сладкой дремоте сильно способствовали морозящий за окном мелкий дождик и свинцово-серые тучи на небе. Приняв за слегка запоздалым завтраком ударную дозу крепкого кофе, он не спеша собрался, не забыв прихватить джентльменский набор из чековой книжки и пистолета. Вышел из номера и... остановился в раздумьях на выходе из гостиницы.

«Куда отправиться в первую очередь — в отделение Русско-Азиатского? Или к Герту на завод?»

Сомнения разрешил швейцар на входе: заметив, что хорошо одетый (да еще и с явной военной выправкой) господин замер и с сомнением разглядывает мокрую мостовую, он сделал неприметный жест — и тут же к крыльцу подъехала крытая пролетка.

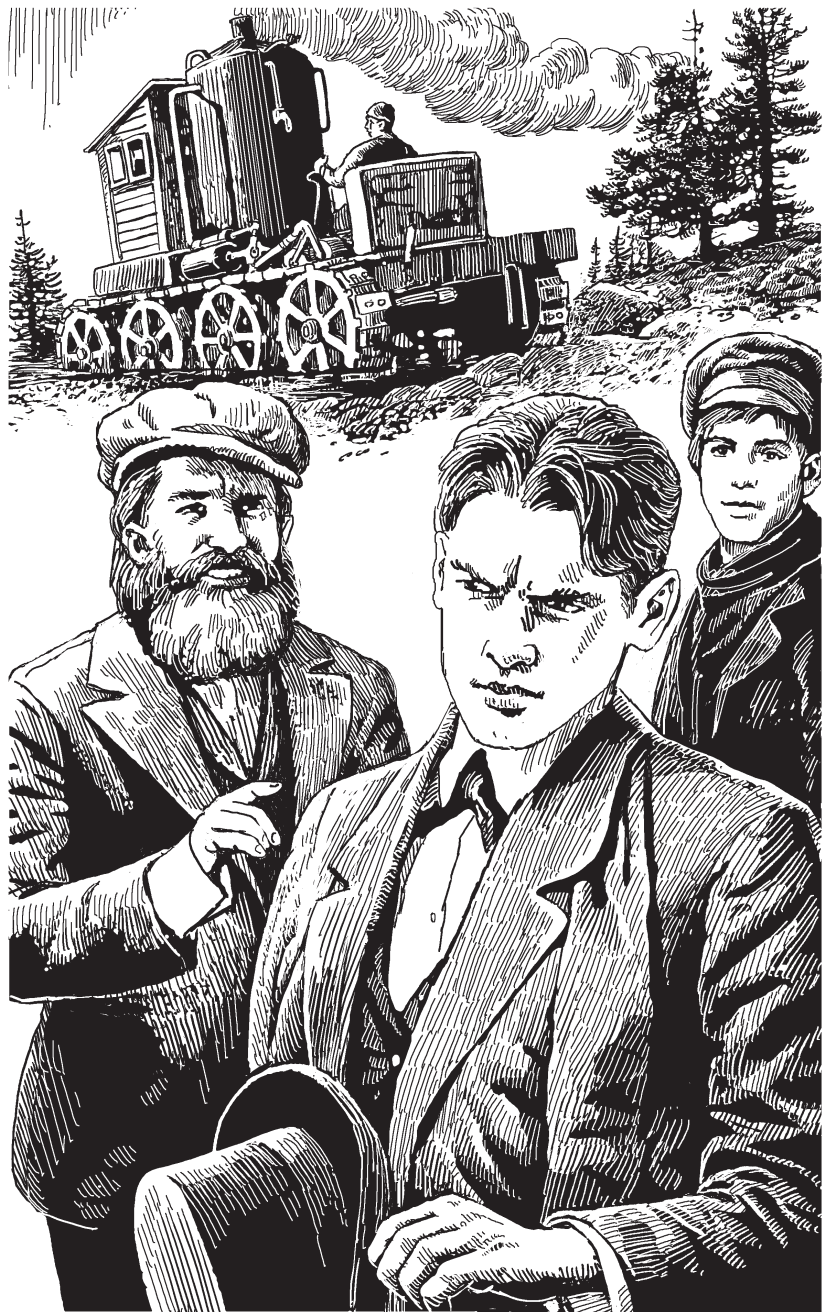
— Куда едем, вашсиясь?

— На Черную речку правь, там покажу.

К заводууправлению Петербургского станкостроительного князь Агренов прибыл в непонятных даже для самого себя чувствах. С одной стороны, у него на счету почти три миллиона, и каждый месяц прибавляется по двести — двести пятьдесят тысяч отчислений ренты с лицензий.

«Да «полтинник» чистогана с фабрики, с тенденцией увеличения в большую сторону. Грейн, наверное, от радости с ума сойдет, когда все поставки увеличатся в пять раз. Ну и прибыль с металлургического и консервного заводов внушают осторожный оптимизм — все вместе тысяч на сто пятьдесят — двести. А с другой стороны, скоро я стану крупным землевладельцем. И гложут меня сильные сомнения, что удастся уложиться ВСЕГО в три миллиона. С большим таким хвостиком. Хорошо бы четырех хватило. И строительство, и очередное расширение производства. А ведь еще неизвестны аппетиты Луцкого... Н-да, учитывая, чем я его озадачил, хе-хе, это он еще про сроки не знает! Потратиться придется немало. Кредит, что ли, взять? Или притормозить немного со своими планами? Как-то все впритык получается, нехорошо».

● Промышленникъ ●

ПРОЛОГ

Обычно Прокофий, вот уже полтора десятка лет являвшийся бесменным старостой большого села Опалихино, на здоровье не жаловался. Некогда жаловаться: вся община на нем, чуть малейший спор или там неприятность какая — враз к нему бегут, рассуди да помоги. Ну и радостное что, вроде свадьбы или крестин, тоже без его участия не обходилось, да. А вот сегодня прямо с утра ему что-то занемоглось — с глазами что-то стало. Нет, смотреть-то смотрят, да вот поверить увиденному ну никак не получается...

— Доброго здоровьичка, Прокофий Афанасич!

Буркнув ответное приветствие, староста потоптался на месте. Сплюнул, и решил-таки подойти немного подальше. Вернее, поближе, к новому дому не так давно вернувшегося из солдатчины Саввы Вожина. Может, все же глаза его обманывают? Кстати, он не один такой был, у кого вдруг обнаружили проблемы со зрением — еще три сельчанина обсуждали что-то важное прямо напротив невысокого забора, огораживающего обширное вожинское подворье. Обсуждали и оторопело тарасились на рядовой процесс колки дров.

Чпок!

И очередной кругляк разваливался под колуном на три неравные части. Прокофий невольно проводил взглядом отлетевший в сторону кусок березовой коры и опять тяжело вздохнул. С одной стороны, он отчетливо видел, как молодой парень, даже еще и безусый, вот уже час спокойно махал колуном, потихоньку удлиняя и наращивая и без того немаленькую поленницу. С другой стороны, Савватей не упустил случая потравить байки о своей службе в пограничниках, и как минимум половина из них была про его командира, штаб-ротмистра князя Агренева. Уж каких только небывальщин не наслушались жители Опалихина! Поначалу-то мужики дружно решили, что отставной пограничник немного привирает, для пущего уважения и солидности. Дело понятное, даже можно сказать, что и житейское. А как начал Вожин по весне отстраиваться, так и засомневались — уж больно широко размахнулся отставник. Двухэтажный дом, да на каменном фундаменте, да прочие постройки с населившей их живно-

стью — все это таких деньжищ стоит, никакими побасенками столько не наработать!..

Чпок!

Хотя от законного надела бывший конный объездчик сразу отказался, но в батраках его никто так и не увидел (и то сказать, кому нужен хромоногий работник), потому что копейки у него не переводились. Да что там копейки — на рубли деньги считал, и родственникам своим взаймы давал не жадничая. Вернее будет сказать — не сильно жадничая, но с большим разбором: таким, что и лопухом его никак не назвать, и сквальгой-миродом не выставить. Особенно после того, как местный батюшка получил щедрое пожертвование. Чем сам благотворитель себе на жизнь зарабатывает, никто точно не ведал, но знающие люди не раз видели его в разъездах да разговорах с первыми купцами Грязовецкого уезда. Вот и в этот раз гость приехал, когда хозяина дома не было...

Чпок!

Трое мужиков рядом с забором совсем позабыли о своем важном разговоре, зачарованно наблюдая за тем, как их сельчанину колет дрова целый КНЯЗЬ, и к тому же штаб-ротмистр.

— Дядя Саша!

От пронзительно-звонкого девчоночьего голоска все очарование момента пропало: мужички заторопились по своим делам, староста непроизвольно вздрогнул, а молодой мужчина оставил в покое очередной чурбак и обернулся к десятилетней дочке Вожина, что стояла на пороге своего дома.

— Пойдемте кушать!

Ответ староста не расслышал, но и того, что прозвучало ранее, ему было достаточно. Ну и как теперь относиться к сельчанину, которого лично он помнил голопузым и босоногим мальцом, если ему такие люди не гнушаются дрова колоть? И так уже кое-кто поговаривает, что Вожин и в новых старостах неплохо бы смотрелся...

ГЛАВА 1

Хоть и не застал Александр своего бывшего денщика, но на гостеприимстве Марыси и заметно подростшей Ульянки это никак не сказалось. Первая радостно всплеснула руками и тут же засуетилась, устраивая такого драгоценного гостя в комнате, изначально для него и предназначенной, — Савва для своего благодетеля специально обустроил на втором этаже дома пару комнат, удивительно похожих по своей отделке и мебелировке на апартаменты князя, что были в Олькуше. А вторая и вовсе повисла у него на шее, довольно повизгивая и

дрыгая ногами, и разжала руки только после упоминания о привезенных ей гостинцах.

«Не забыл, значит, ни моего обещания приехать, ни моих инструкций. Это радует».

Единственный, кто встретил гостя с настороженностью и даже недовольством, так это большой толстый кот, считавший пустовавшие до этого комнаты исключительно своими. Судя по тому, что кошара шипел на него при каждом удобном случае, кот и сам дом, со всеми его жильцами, и подворье вокруг проводил по графе «Личная собственность» и терпеть такого наглого попрания законных прав не собирался. Кидаться на наглого захватчика он пока не спешил, но вот когда на следующее утро князь поднялся из теплой постели и стал одеваться, левый сапог оказался подозрительно сырым. И не снаружи, что было бы еще вполне приемлемо, а именно изнутри. Не обратив внимания на такую вроде бы мелочь, Александр спокойно проходил в них весь божий день: прогулялся по селу, отменно размялся на колке дров (аж прямо счастливое детство вспомнилось) и очень опрометчиво перенес посещение бани на следующий день. Пожалел он о таком своем решении уже перед сном, сняв с ноги злополучный сапог. Какой запах шел из голенища! Просто сказка. Страшная. Нет, глаза вроде бы и не резало... Так, разве что слегка пощипывало, зато всю сонливость как рукой сняло. Опять же, дощатый пол, по которому пришлось шлепать до Марыси, бодрил не хуже прогулки по послу горного ручья.

— Ах ты ж, проказник какой!

Пока хозяйка многословно извинялась, грела воду и выдавала дорогому гостю теплые носки, князь поинтересовался, как зовут виновника и часто ли он позволяет себе так шутить.

— Васька-то? Шкода такая, что не приведи господи! Он у Ульянки в любимчиках, вот она его и разбаловала — тут кусочек, там кусочек, он уж и мышковать совсем перестал. Чего уж, и так кормят...

Носки оказались маловаты размером, зато отменно грели ноги, отчего испортившееся настроение опять поползло вверх.

— Только и делов, что соседских котов подрать да за кошками побегать.

Несмотря на осуждающий тон, было заметно, что полосатый разбойник и у старшей хозяйки пользуется немалым расположением. Поблагодарив за помощь, мужчина подхватил выданные вместо сапог валенки, вернулся в свою спальню — и прямо с порога увидел, как на его постели развалился здоровенный котиче.

— А ну-ка брысь, блохоносец!

Получив в ответ предупреждающее шипение, Александр с помощью увесистых валенок восстановил справедливость: первым уговорил своего обидчика покинуть кровать, а вторым позорно промах-

нулся, вместо самого кота попав в дверь. Подобрал войлочное оружие, плотнее притворил за местным скунсом дверь и с облегчением завалился под толстое, пошитое из невероятного количества разноцветных лоскутов одеяло.

«Прямо беда с этими животными. Или это мне так везет? В Олькуше — петух, тут кот — сподобился... или это он проявляет солидарность с тезкой?»

Сон его был хоть и глубокий, но достаточно чуток — и именно поэтому утро для князя началось с осознания двух печальных истин. Первая — четвероногий поганец перемещается по дому без малейшего шума. И второе — эти валенки ему поносить не удастся. Охающая и ругающаяся Марыся выдала ему запасные сапоги мужа, которые в полном соответствии с законом подлости, были малы. Несильно — слегка, можно даже сказать, что почти и впору. Но передвигаться в них было и непривычно, и холодно. Впрочем, в долгу Александр не остался: улучив момент, когда Ульяна убежала к подружкам, а ее мама отправилась обихаживать многочисленную живность, он подошел поближе к живой мышеловке, разомлевшей и заснувшей на теплой печке, и наложил на него крест. В прямом смысле наложил — под рукой ничего подходящего не оказалось, и пришлось оперативно воспользоваться висящим на стене деревянным символом веры.

Тресь!

Ошалевший кот подпрыгнул и, не разбираясь, что это такое страшное ему приснилось, пустился наутек. А так как был спросо-нья, то начисто проигнорировал законы гравитации, непринужденно пробежавшись по стене, окну и скрывшись в вентиляционной отдушине под потолком.

Вернувшаяся с ведром молока, хозяйка застала своего гостя за дегустацией травяного сбора из иван-чая и мяты. Выглядел он при этом умиротворенно-довольным, а взгляд его с большим интересом скользил по затейливой резьбе на потемневшем от времени, но все еще крепком кресте из душистого кипариса. Следующие три дня отставной ротмистр отдыхал душой и телом: переработал на поленья примерно полтора воза промерзших до стеклянного звона березовых чурбаков, слегка помахал лопатой, перекидывая снег в одну большую кучу. Ледяная горка вышла — просто загляденье! Отведал березовых и дубовых веников в настоящей деревенской бане. Перепробовал все мыслимые соленья и варенья, отоспался впрок, ну и вплотную подошел к порогу скуки. Выручил, как ни странно, хвостатый: объявив гостю тихую войну, он всеми силами пытался проникнуть во вражеское логово на втором этаже, с целью устроить там свой туалет. Получалось не очень, так как теперь дверь была постоянно закрыта, а отдушина под потолком забита куском овечьей шкуры. Да и обувь теперь запиралась в платяной шкаф вместе с остальным бага-

жом — короче, сплошное расстройство. Неудачи так выбили его из привычной колеи, что он пару-тройку раз даже пытался покусать Александру ноги — видимо, поднабрался дурного от дворовой псины. А князь, в свою очередь, использовал каждый удобный случай, чтобы подержаться за увесистый крест. И с каждым удачным «крещением» чувствовал, что память о неудаче с горластым петухом из Олькуша его понемногу отпускает...

На четвертый день тихой, но бескомпромиссной войны между котом и человеком домой приехал кормилец и поилец семьи, сам Савватей Елпифидорович. И не один, а в компании с Луневым. Только это был не тот Лунев, что Вениамин Ильич, а совсем даже Геннадий Арчибальдович. За последние полгода познакомившийся с географией и экономикой Вологодчины и соседних с ней губерний так хорошо, насколько это было в силах человеческих — на любой вопрос у него тут же был готов ответ, причем развернутый, с многочисленными примерами и обоснованиями.

«И все-таки мне определенно везет на нужных людей. Кто бы мог подумать, что молодой юрист начнет так хорошо разбираться в вопросах сельского хозяйства. Конечно, большая личная заинтересованность — дело хорошее, но без определенного таланта бесполезен любой пряник. Как, впрочем, и кнут».

— Да-да, я вас слушаю, продолжайте?

— Таким образом, в каждом уезде у нас... — Молодой юрист слегка замешкался и быстро поправился: — То есть я конечно же хотел сказать — у вас, Александр Яковлевич!

— Нет, Геннадий Арчибальдович, вы выразились вполне верно, именно у нас. Проект этот — мой, но ведете его именно вы, так что именно — у нас. Продолжайте, прошу.

— Слушаю-с. Я предлагаю предпринять следующий образ действий. В каждом уезде выбранной вами губернии ставить один большой перерабатывающий центр рядом с железной дорогой и с десяток маленьких, ну или чуть больше, по волостям. Это придется каждый раз по месту решать.

В доказательство своего заявления Лунев-младший с видом опытного офицера-генштабиста разложил на пустом обеденном столе большую карту, на которой красным карандашом были обведены контуры Вологодской, Ярославской, Тверской и Костромской губерний. Многочисленные точки будущих центров, линии проселочных дорог, отчетливый след от стакана, небольшое синее пятно от капнувших чернил — и великое множество поясняющих надписей, как на самой карте, так и на ее обороте. Короче, солидный рабочий документ, одним своим видом доказывающий, что его составитель и не думал сачковать.

— Ну и цена вопроса...

Геннадий тихонько набрал воздуха, глянул на князя и выдохнул рассчитанную им сумму:

— Не меньше двух с половиной миллионов рублей на ассигнации.

Не увидев ожидаемого возмущения, мужчина уточнил:

— На каждую из губерний, ваше сиятельство.

Опять не заметив никакой реакции, юрист решил идти до конца:

— И это только предварительный расчет. Так что, скорее всего, будут еще и дополнительные расходы.

Александр едва заметно вздохнул.

«Да уж конечно будут, когда это без них обходились. Большой перерабатывающий центр встанет мне в двадцатку, малый — тысяч в пять. Все остальное уйдет на покупку имений у помещиков... Блин, как же сильно жаба давит-то, прямо дышать нечем!»

— Подготовьте смету расходов и все остальные документы.

— На какую из губерний, Вологодскую?

Еще раз вздохнув (жаба на глазах превращалась в динозавра), промышленник-аристократ распорядился:

— На все четыре. И нормальную карту, для меня. Что по персоналу?

— Можно сказать, что никак. Совсем никак, ваше сиятельство, и перспективы пока неясные.

— Подробнее?

Минут через десять князь пожалел о своем указании: глава еще не существующей компании оказался изрядным педантом (впрочем, для юриста это было несомненным достоинством), так что жаловался на трудности очень основательно и с большим размахом. Таким большим, что у фабриканта даже рука затекла, пока он конспектировал большую часть жалоб.

— К счастью, кое-какие варианты все же есть. Как раз в Тверской губернии имеется, прощу прощения за невольный каламбур — широко известная в узких кругах школа масло- и сыроделия, устроенная неким господином Верещагиным. Учебный курс в ней длится полгода, плата за обучение — вполне божеская, принимают всех, кто только в состоянии заплатить. А если пообещать существенное расширение школы, так еще и скидку сделать могут. Нам же маслоделов — ой как много надо!

Александр слегка повернул корпус и посмотрел на хозяина дома, все это время тихо присутствующего на импровизированном совещании:

— Савва, у тебя родственники есть?

— Как не быть, Александр Яковлевич, почитай, полсела в них числится.

— И сколько из них захотят в компании работать?

— Ну, тут подумать надо, со стариками поговорить. Вам ведь молодые нужны? Мыслится мне, дюжины с две парней можно найти.

— А что, женщины к такой работе не годны?

С виду простой, вопрос погрузил обоих собеседников князя в недолгий ступор. После чего юрист осторожно согласился с тем, что попробовать можно. А хозяин дома, наоборот, позволил себе усомниться (впрочем, не менее осторожно), что особ женского пола вообще согласятся взять на обучение.

— Вот и узнай. Заодно договорись о том, что со следующего месяца от нас ученики пойдут. Геннадий Арчибальдович, сколько там по вашим выкладкам требуется?

Лунев-младший скорбно вздохнул и «обрадовал» собеседников итогом своих расчетов:

— Много, ваше сиятельство, просто чудовищно много. На одну губернию самое малое — пять сотен маслоделов и сыроваров. Полсотни механиков, тысячи две человек на производство консервов и прочие работы. Сто десять счетоводов, управляющие, еще ряд специалистов... И все эти цифры надо умножить вчетверо.

Последние слова юрист буквально выдавливал из себя, понимая, что князь Агрнев — не чудотворец и такую прорву специалистов ему не «родит» при всем желании. А значит — желанный пост директора Русской аграрной компании так и останется всего лишь туманной, а не реальной перспективой. Если только не умерить аппетиты до одной губернии... Или даже трех-четырех уездов? Тоже ведь неплохое начало, как ни крути!

А промышленник тем временем неспешно листал исписанные страницы записной книжки и обдумывал полученную информацию.

«Да, изрядно получается. Хорошо хоть, что все эти люди понадобятся не ранее чем через год. Так! Ну, на производство «тушняка» и прочей попутной продукции я людей найду. И даже с избытком — у меня на фабрике такие списки желающих устроиться на работу, что пришлось для них отдельный шкаф завести. Жаль только, что в основной массе это бывшие крестьяне, если кто станок какой издали видел — уже за крупного специалиста идет, хе-хе. Так, кто там дальше? Механики. Ну, это совсем просто. Гриша как-то говорил, что некоторые из солдат-отставников по земле тоскуют, по своему дому. Вот пускай новую специальность осваивают и — вперед, на баррикады. Заодно там и охранниками поработают, а в свободное время нехай в огородах копаются. Конечно, и настоящих механиков тоже надо будет организовать, для самых сложных случаев, но все же не такую прорву. Так, кто там еще? Счетоводы-бухгалтеры-управляющие... Да, с этим посложнее будет. Только не мне, а Горенину, пускай включается в производственный процесс, а заодно и контролирует расходную часть проекта. Ух ты, да я наконец-то начинаю настоящим эксплуататором становиться?! Так, маслоделы и сырокаты, где бы вас взять? Вернее, где же это вас Савватей будет искать-то, такую

кучу народа? Прямо даже жалко его становится... Наверное, еще Солина надо озадачить, среди приходящих на фабрику крестьян поискать. Ну что, начинаем сеанс выдачи ценных указаний».

Помолчав и полистав записную книжку, Александр кивнул себе и стал вещать. И чем больше он говорил, тем больше оживал Лунев-младший, буквально впитывая в себя каждое его слово и прямо-таки кожей ощущая всю значимость такого исторического момента. Прямо на его глазах (и не без его участия) рождалась крупная компания! Его сиятельство перечислил стоящие перед ее без пяти минут директором проблемы, тут же наметил пути их разрешения и буквально по пунктам продиктовал, чем будет заниматься его собеседник. Геннадий для начала отправлялся к господину Верещагину, договариваться о некотором расширении его школы. С пятидесяти мест до трехсот, не больше. А попутно запустить слухок, что новое производство будет запускаться где-нибудь в Саратове, а то местные артели всполошатся и начнут вставлять палки в колеса. Потом в Санкт-Петербург, навестить дорогого дядюшку, за документами финансового порядка (то есть чековой книжкой) и немалой толпой юристов: массовая скупка имений у разорившихся помещиков — дело такое, что лучше его проводить и одновременно, и на разные фамилии. Во избежание слухов и прочих неприятных мелочей, вроде подорожания земли. Процесс этот долгий, можно даже сказать — деликатный, а посему наверняка затянется как минимум на год. А скорее на все полтора-два, а тем временем и персонал для сети перерабатывающих центров подоспеет. Как и документы на новую компанию, как и сами постройки, и многое-многое другое...

Поглядев на Саввата, охраняющего прямо на глазах (такой масштаб его скорее пугал, чем вдохновлял), Александр излил часть указаний и на его опухшую от уже услышанного голову:

— Савва. Первым делом набираешь себе из своих же родственников дюжину помощников. С месячным окладом в тридцать рублей. Каждому. И как только Геннадий Арчибалдович договорится насчет школы, обеспечиваешь ее быстрое расширение и набор учеников — человек триста для начала. Их размещение, питание и тому подобное — все на тебе.

— Да помилосердствуй, Александр Яковлевич, не потяну я такого. Не по Сеньке шапка, ну вот ей-богу! — В доказательство своего утверждения хозяин дома размашисто перекрестился в направлении на красный угол¹. Не убедил.

— А кому сейчас легко? Так что справишься. Совсем тебя без помощи не оставлю, пришлю несколько человек. «Скорее уж, несколь-

¹ То есть угол жилища, в котором по традиции размещали семейные иконы и маленькую лампадку.

ко десятков». — Но и сам тоже не ленись. За каждого, кто пойдет учиться, — рубль твоим помощникам, рубль тебе. За того, кто выучится и начнет работать по специальности, — два рубля им, три тебе. Штрафы тоже будут и точно такие же. И людей не абы каких выискивай, а сирот, да молодых и семейных. Вопросы?

Командный тон подействовал на бывшего конного объездчика госграницы весьма и весьма благотворно, убив все сомнения буквально на корню. Да и упоминание насчет денег пришлось очень даже к месту. Так что Савватей Вожин подскочил, вытянулся по стойке и рывкнул:

— Никак нет, вашбродь!

— Вот и славно. А у вас, Геннадий Арчибальдович?

У работников князя оказалось редкое единодушие: спрашивать они ничего не хотели, со всеми предложениями были согласны и при этом явно желали как следует поразмыслить над полученными указаниями. Лепота!.. Зато вопрос, а вернее даже вопросы, задала поднявшаяся на второй этаж Марыся — на тему того, кого именно ей сегодня зарезать. Ну, то есть что гости дорогие желают на обед: куриного супчика или же жареного гуся с гарниром из картошки? Смерть дыхнула и на молочного поросенка, но все же в этот день не повезло именно молодому гусю.

Тресь!

Но осторожничающий в последнее время котяра ловко увернулся от слишком близкого знакомства с кипарисовым крестом. То есть почти увернулся, отделавшись даже не ударом, а скорее легким толчком в бок. Его обидчик негромко выругался и с сильной неприязнью просмотрел на сельского скунса по имени Васька. Который, между прочим, и не думал убежать или как-то прятаться, а вместо этого поудобнее развалился на теплом выступе стены и принялся наводить гигиену. Поводов для торжества над неловким двуногим у kota было хоть отбавляй: во-первых, смог увернуться от встречи с холодной и твердой разлапистой палкой со стены. А во-вторых, его упорство принесло свои плоды. Кусок овечьей шкуры не выдержал постоянных тычков головой и пропустил-таки настоящего хозяина дома в свою комнату, временно оккупированную наглым пришельцем.

«Вот почему у меня стойкое впечатление того, что этот поганец сейчас мне презрительно ухмыльнулся?»

Появившаяся совсем недавно у Александра привычка проверять свою обувь перед надеванием пошла ему только на пользу. Именно благодаря ей (а еще и своему обонянию) он понял, что придется ему задержаться на денек-другой у своего бывшего денщика. Не уезжать же ему в одних вязаных носках? Сапоги были безвозвратно испорчены, валенки тоже, а бегать в носках по ноябрьскому снегу как-то не

прельщало. Так что Савва был немедленно мобилизован, снабжен неоскверненным сапогом в качестве образца для подражания и отправлен в уездный город добывать второй. Или новую пару — такие мелочи командира не интересовали. А также за газетами, в очень больших количествах. Ну а сам князь Агрневу попытался посылить выразить охватившее его негодование, и первые два раза ему это даже удалось. Затем хвостато-полосатая скотина утроила бдительность и к тому же перестала спать на привычных местах. Не прекратив при этом попадаться на глаза и всячески изгаляться — то неспешно пройдет на расстоянии вытянутой руки и потрется об ногу Марыси, то развалится на руках у Ульянки и начнет мурлыкать с ехидными интонациями.

Оглядевшись и прислушавшись, уважаемый гость ногою подтянул к себе небольшую лавочку. Короткий разбег, толчок ногой — и в этот раз Ваське все-таки прилетело по наглой усатой морде. А князь тем временем еле-еле успел возвратить свое оружие на полагающееся ему место — вернувшись с улицы в дом Марыся удивленно пронаблюдала, как аристократ поправил и без того ровно висящий на стене крест. После чего с весьма одухотворенным лицом размашисто перекрестился.

— Хорошая вещь, покой дарит.

— И Саввушка так же говорит. Он ему еще от батюшки покойного перешел, в наследство.

Уцепившись за последнее слово, Александр парой-тройкой направляющих вопросов перевел разговор на то, как молодая супружеская пара обустроивалась на новом (ну, понятно, что для самого Савватея очень даже старом) месте. Послушал короткий, но очень эмоциональный рассказ про то, как им все помогали, работая чуть ли не за спасибо, какие в общине доброжелательные и хорошие люди вообще и соседки в частности, и попытался вспомнить, сколько он там выделил своему бывшему денщику на обустройство. Точная сумма все никак не вспоминалась, но по-любому он не мог дать меньше пятисот рублей.

«Неудивительно, что в селе их приняли хорошо: мужики с села им за полдня старый дом с постройками снесли — накормил и напоил от пуза да бревна разрешил забрать. От надела отказался, родне слегка помог, в храм божий сколько надо занес. Новый дом поставили — опять село напоил-накормил. Как к такому плохо относиться? Странно, что Марысю подруги не одолевают. Наверное, меня побаиваются?»

Поздним вечером вернулся из своего сапожного рейда и сам Вожин. Привез две кипы газет для командира, полсотни карамельных петушков и сердечек, нанизанных на хрупкие палочки из обычной соломы — Ульяне и ее подружкам от «дяди Саши». Ну и дежурный подарок жене, в виде ярко-алого платка с незатейливым узором по кра-

ям. Выложил все это богатство прямо на стол, и пока супруги миловались за дверью, а их дочка перебирала фигурные кусочки плавленого сахара, отставной ротмистр решил разглядеть поближе шедевр полукустарного творчества местных текстильщиков. Было в платке что-то такое смутно знакомое, но вот что именно, понять не удавалось.

— Александр Яковлевич, докладываю! Заказал новую пару, завтра утром будут готовы, вот. Ну а к полудню я их вам прямо сюда и представлю, чтобы, значит, полный порядок был. Да, а что со старыми прикажете делать?

— Да что хочешь, то и делай, мне они уже ни к чему.

Судя по довольной mine на лице Савватея, сапоги после командира будет донашивать именно он. А что? Офицерские, почти новые, с щегольским скрипом. Хромовые! Такая вещь на дороге не валяется и стоит соответственно. Нет, ну в самом-то деле, не выкидывать же их? Мигом соседи подберут да на свои ходули пристроят.

Самого же князя в данный момент интересовало иное. Поняв, что именно казалось ему знакомым в узоре на платке, он тут же поинтересовался у гостеприимного хозяина, а много ли таких платков продается по ярмаркам.

— Да полным-полно, Александр Яковлевич. Из ситца есть, шерстяные там, шелковые да бумазейные¹. В общем, всяких полно. А что, надо?

— Да нет, это я так, ради праздного интереса.

Поглядев еще раз на незатейливый рисунок, в котором очень просто можно было разглядеть повторяющийся во всех возможных вариантах солярный знак — свастика, он же славянский коловрат, — любопытствующий аристократ задумчиво хмыкнул.

«Христианство на Вологодчине вот уж с тысячу лет как, а глянешь на вот такой вот платок — и вспоминаешь про свои настоящие корни. Поди, в такой глуши и настоящего родовера² отыскать можно, если очень сильно захотеть».

— Ты мне вот что лучше, Савва, скажи. Когда прибавление в семействе будет?

Хозяин дома вздохнул и слегка сгорбил на лавке:

— Да если бы я знал, Александр Яковлевич. Вроде и стараемся, да вот не дает бог ребеночка. Я уж и насчет паломничества по святым местам начал задумываться...

— А что, дело хорошее. Заодно и по врачам пройдитесь, что-то из двух обязательно поможет.

¹ Род хлопчатобумажной ткани.

² То есть поклоняющегося старым славянским богам: Роду, Сварогу, Велесу, Триглаву, Ладе...

Дальнейшую беседу прервало появление повизгивающей и галдящей оравы Ульянкиных подружек, как по волшебству слетевшихся на сладкое угощение. Увидев взрослых, а в особенности важного гостя (про которого дочка Савватея уже всем успела растрезвонить, что это есть не кто иной, как ее лично-персональный дядя Саша), табунок малолетних девиц тут же притих и выстроился в некое подобие очереди. Получив желаемое, будущие невесты чинно благодарили маленькую хозяйку и тихо удалялись за дверь, чтобы там с полным комфортом и от всей души полакомиться карамельным подарком.

Вожин при виде такого благолепия мигом забыл про свою хандру и горделиво приосанился.

— Вот какая у меня умница да красавица растет! Поди, еще лет пять-шесть, и женихов со двора оглоблей гонять буду.

Юная красавица и в самом деле оказалась редкостной (для своих лет, конечно) умницей: оделив последнюю свою подружку гостинчиком, она не последовала за ней на свежий воздух, а, наоборот, бочком-бочком придвинулась к приемному отцу и дяде. И не с пустыми руками, а с небольшим альбомчиком, почти полностью заполненным ее незатейливыми почеркушками. Села поудобнее, разложила пяток цветных карандашей и стала что-то рисовать, время от времени поглядывая то на одного из беседующих мужчину, то на другого. А когда те заинтересовались столь необычным, даже можно сказать — тревожно-долгим, молчанием десятилетней девочки, та горделиво представила на суд взрослых итог своего получасового труда. Два портрета, Савватея и его командира, выполненных в несколько авангардной манере.

«Н-да, синие волосы и красные глаза — это определенно новое слово в искусстве. Но похож, этого не отнять. Талант, получается?»

— Савва, а ты дочку свою в учебу отдавать-то думаешь или как?

— А что, надо?

Навострившая уши Ульяна тут же стала в два раза медленнее собирать свои немудреные рисовальные принадлежности.

— Понятно, не думал. Тогда... Иди сюда, егоза. Учиться хочешь?

— Ага!

— Не понял?!

— Хочу, дядь Саш, очень! А чему?

— Там видно будет. Года через два и посмотрим. А может, и пораньше. Ну все-все, иди погуляй, нам еще поговорить надо.

Наконец-то собрав пять несчастных карандашей и тоненький рисовальный альбом, юная, но подающая большие надежды художница унесла их к себе в комнату. Так же спокойно накинула свой овечий тулупчик и, из последних сил удерживаясь от радостного визга, метнулась за дверь:

— Пронька! Иди быстреей, че скажу-у-у!!!

Внимательно оглядев комнату на предмет неприятных сюрпризов и не найдя таковых, Александр успокоенно вздохнул и сел в небольшое кресло, всем своим видом напоминающее скорее ожиревший до невозможности стул. Подцепил пальцем кокетливый бантик на шпагате, удерживающем газеты в одной стопке, потянул, дернул и вытащил на свободу толстые «Губернские ведомости». Затем журнал «Развлечение», потом любимый более других «Вокруг света», еще пять газет... Часа через четыре, когда все печатное слово было благополучно усвоено, князь покинул жесткое и неудобное кресло и вытянулся на кровати. Новостей было немало. Во-первых, в своих путешествиях по заграницам и прочих делах он умудрился пропустить закладку Великого Сибирского пути. Которая, между прочим, совершилась еще в мае месяце уходящего года, рядом с Владивостоком. Причем к этому, вне всяких сомнений, историческому моменту приложил свою августейшую руку сам цесаревич Николай Александрович. Вот только сделал он это как-то непонятно. То ли торжественную речь толкнул на три часа кряду, с всемирнолюбивейшим перерезанием ленточки и маханием рукой, или просто шпалу пнул августейшим сапогом и красиво выругался — такие подробности репортеры не раскрыли. Зато теперь будущий император считался авторитетным специалистом по Сибири вообще и железнодорожно-строительству в частности.

«Оправился, стало быть, царевич-надёжа, от знакомства с красотою Японии».

Вторая заметная новость пришла из Франции — и заключалась в большом оползне, приключившимся в самом сердце Парижа, на холме Монмартр. Начисто снесло строящуюся там базилику Сакре-Кёр, половину Пляс-дю-Тертр и чуть-чуть пометило примерно треть лестниц.

«То есть церковь имени Сердца Христова уползла вместе со своим фундаментом метров на двадцать — тридцать вниз по Горе Мучеников (хе-хе, первая в мире пересадка сердца!), заметно скукожилась площадь Холма, и слегка повыбивало-покорежило гранитные ступеньки на пути оползня. Нормально. Можно сказать, что парижане обделались легким испугом».

Третья новость заключалась в том, что в новом году, ближе к лету, ожидалось заметное повышение таможенных пошлин на ввозимое в империю промышленное оборудование.

«То есть грядет очередная война акцизов между Российской империей и Вторым рейхом. Мы будем воротить нос от их станков, а они — от нашего зерна и масла. Заодно и труженикам Туманного Альбиона станет немного кисло — немало станков приходит к нам и от них. Н-да. А ведь, пожалуй, еще год-два, и я бы смог отхватить себе неплохой кусочек рынка! Пока же придется, так сказать, на общих основаниях».

Более того, это самое повышение должно было ударить и по самому князю: часть станков и оборудования для заводов в Кыштыме и Коврове была готова, и вполне возможно, что даже уже грузилась в вагоны. Но именно что часть, причем незначительная. Основной же поток как раз и планировался-ожидался на позднюю весну и середину лета...

«Значит, надо пнуть Круппа с Тиссеном и отправить Лазорева в Швейцарию — пусть не все, но хотя бы основное надо протащить в Россию до повышения тарифов».

Остальные вести относились к недавно отгремевшей битве за урожай — сколько пшеницы собрали-продали и тому подобное, а также мелочам вроде светских хроник и некрологов. Ну и новостей, из ближнего и дальнего зарубежья, кои прошли горнило цензорских правок и очень многословно рассказывали все о той же светской жизни титулованных особ, с редкими вкраплениями финансов и политики. Скукота в общем-то, но даже она оказалась полезной, так как после этого чтения сон пришел словно по мановению волшебной палочки. Тяжеленькой такой. Бум! И ты уже спишь...

Проснулся Александр от непонятного звука. Как будто что-то мягкое и в то же время упругое уронили на пол. Не шевелясь и не изменяя ритма дыхания, он слегка приоткрыл глаза, провел взглядом по двери (закрыта), затем по комнате — и тут же нашел источник своего беспокойства. Размыто-серая тень неслышно двигалась по полу, пересекая комнату по диагонали, время от времени замирая и прислушиваясь. Кот Васька проинспектировал платяной шкаф, убедился, что он все так же закрыт, посидел перед дверками и недовольно подергал хвостом, после чего нацелился своим усатым локатором на стоящие у кровати войлочные тапки.

«Да что за жизнь такая! То петух горластый, то кошка-вонючка вместо будильника. Но петух хотя бы обувь не трогал!»

Стоило князю пошевелиться, как хвостатый пришелец тут же застыл на месте. А встретившись взглядом с человеком, и вовсе развернулся на месте и вальяжно зашагал в обратном направлении, курсом на вентиляционное отверстие под потолком. Прозвучавший шорох ускорил его шаги, а прилетевший по заливке тапок и вовсе придал всем его движениям невыразимую ловкость и грациозность — такую, что уже через секунду его не стало видно. А через две — и слышно. Как бы то ни было, рассвет нового дня Александр встретил хмурым и невыспавшимся, с мыслями о показательном расстреле нарушителей его ночного отдыха. Настроение слегка поправил визит в баню и вкусный завтрак в виде пшеничных оладьев со сметаной и медом. В плюс пошло и прибытие новых сапог, в комплекте с билетом на вечерний поезд (инициатива Савватая в этом вопросе оказалась очень кстати).

— Вот, Александр Яковлевич, сделали в самом лучшем виде!

Обновка действительно оказалась неплохой. А учитывая тот факт, что никаких примерок не было, и мастер изваял обувь менее чем за сутки, — вообще отличной, являясь настоящим шедевром сапогостроения. Нигде не жало, не хлябало, и вообще они на ногах сидели как родные, обещая своему владельцу привычный уровень комфорта. Посидев еще немного за столом, гость отправился к себе в комнату, одеваться да собираться в путь-дорогу. Собственно, и собирать ему было особо нечего, да и надевать тоже — выбор имелся лишь между гражданской одеждой, более уместной в большом городе, и формой офицера-пограничника, удобной как раз для путешествий по сельской местности.

Утро любой деревенской женщины начинается очень рано, самое позднее в полпятого утра: подоить корову, задать ей и прочей, более мелкой живности корму, приготовить еду на все семейство. Да мало ли работы у хорошей хозяйки? А в этот день Марыся встала еще раньше, так как ее муж отправлялся в Грязовец. Вспомнив, из-за чего, а вернее даже, из-за кого он вынужден тащиться по морозу в уездный город, хозяйка вздохнула и поискала взглядом мелкого паршивца. Так неудобно получилось! Хорошо хоть, что его сиятельство не рассердился, как того следовало ожидать — видимо, потому, что Ульяновка у него в любимицах ходит.

— У, поганец этакий!

Как по заказу появился и сам виновник, при виде хозяйки моментально замурлыкавший. Весь в ожидании законной мисочки молока, ага. Вот только в этот раз вместо молока ему прилетело влажной кухонной тряпкой по наглой полосатой морде. Одновременно с пожеланием-приказом: заняться мышами в подполе, а то они совсем страх потеряли, не видя кота целыми месяцами. С рассветом вниз спустился хмурый князь, вежливо поздоровался, попросил кувшинчик сладкого ржаного кваса и на час исчез в основательно протопленной еще с вечера бане. Вернулся уже не таким сердитым, ополовинил горку свежей выпечки, и вроде начал отходить от дурного настроения — Марыся нет-нет да и поглядывала на его лицо самым краешком глаз. Увидев, что вроде бы момент вполне подходящий, хозяйка решила попытать счастья, задав вопрос насчет дочки. Точнее, насчет ее будущей учебы — муж-то на все вопросы только отмахивался да говорил, что и сам толком ничего не знает.

— Лет до шестнадцати в подходящем ей пансионе поучится. Не понравится, я ей домашних учителей найду. Ну а потом как захочет — или на художницу, или еще на кого. Или сразу замуж, если жених подходящий найдется.

Такой жизненный путь дочери у Марыси вызвал полное и безоговорочное одобрение (все не в поле горбатиться с утра до вечера). К ее большому сожалению, еще поговорить на такую интересную тему (будущее своего ребенка для любой матери — на одном из первых мест, уступая разве что его же здоровью) хозяйке не удалось — за окном забрехал и засуетился здоровенный лохматый кобель. Не просто так, конечно, а приветствуя вернувшегося из недолгой командировки Савватея. Кормильца и поильца, да и вообще подателя практически обширного двора. Кстати, насчет добросовестности — хозяйка, спеша встретить супруга, как-то совсем некстати вспомнила, что их пес ни единого раза не попытался цапнуть гостя. Который, между прочим, совсем недавно на пути в баню как-то мимоходом погладил его лобастую голову, совершенно не убоившись немаленьких клыков. И назвал его при этом не Шариком, а непонятым Шарабаном.

— А ну, пошел к себе! Кому говорю?!

Сигнализация и передвижной капкан в одном флаконе (а вдобавок еще и ненасытная утроба) тут же слегка поджала хвост и перестала весело облаивать гнедого жеребца, запряженного в сани. Гостинцев в этот раз глава семейства не привез, зато сам быстро обернулся — чем не подарок для жены с дочкой? Заведя свое роскошное средство передвижения на подворье, муж глянул по сторонам и первым же делом облапал свою благоверную. Увернулся от шутивого подзатыльника и клюнул-поцеловал холодными губами, попутно осведомившись: как там гость дорогой?

— Тебя ждет, выпечку пробует.

— А Улька где?

— Да она еще спозаранку к подружкам убежала.

Но, увы, сведения оказались частично устаревшими — к тому моменту, когда чета Вожиных вернулась в свой дом, его сиятельство так основательно распробовал олады, что их почти и не осталось. Так что он просто отдыхал от трудового подвига за столом, допивал оставшийся в кружке чай и время от времени с непонятной задумчивостью поглядывал на кота.

— Александр Яковлевич, может, еще наготовить?

— Да ну что вы, я и то, что было, еле-еле одолел. Так что благодарствую за угощение, теперь, пожалуй, до самого ужина не проголодаюсь.

Надо сказать, еще с Олькуша Марыся изрядно терялась, слыша от своего гостя столь вежливое обращение. Кто он — и кто она! Вельможный князь, офицер в немалых чинах, богатый настолько, что у нее просто воображение отказывало, — и разговаривает с ней исключительно на «вы». Ну, или когда особенно в настроении, заменяет более теплым — хозяйюшка.

Подхватив на руки привезенную мужем обновку, гость покрутил в руке левый сапог, покосился на греющегося на печке кота и удалился на второй этаж, собираться и готовиться к отъезду. А оставшиеся наедине супруги занялись делом: он усердно заработал ложкой, а она сидела напротив и с легкой улыбкой глядела за тем, как ест ее мужчина... До той самой поры, пока с улицы не донесся басовитый лай Шарика. Вышла посмотреть, кто там пожаловал — и почувствовала, как по сердцу прошелся легкий холодок затаенного страха. За калиткой обнаружился староста, но не он был причиной испуга — в двух шагах от общинного головы на утоптанном снегу стоял сам становой пристав, важно и в то же время с интересом рассматривающий двухэтажную резиденцию Вожиных.

— Чего стоишь, уйми псину! Не видишь, что ли, на кого лает?

В селе появление и простого полицейского урядника уже было событием тревожным, а тут такой чин пожаловал! Дождавшись, пока собачий голос утихнет, Прокофий Афанасьевич напористо поинтересовался:

— Савватей-то нынче дома? Ну так чего замерла как неживая, веди давай!

Муж при виде станового пристава хотя и дрогнул лицом, но суесться не стал, да и вообще проявил непривычное для чиновного гостя спокойствие, тем самым немало его удивив. Да и не только его — староста нет-нет да и поглядывал на осмелевшего непонятно с чего сельчанина.

— Вожин Савватей?

— Он самый буду.

Не услышав привычного «ваше благородие», становой пристав недоуменно приподнял кустистые брови и совсем было начал багроветь щеками, но все-таки сдержался и продолжил говорить:

— Мне донесли, что у тебя гость поселился, дрова колет, лопатой машет. А сам в больших чинах, да к тому же чуть ли не в дворянском достоинстве обретается. Так?

Грозные интонации в голосе и отчетливый намек на приближающиеся неприятности не услышал бы только полностью глухой и частично слепой собеседник пристава. Савватей услышал. Но не вянул. Вместо этого, предварительно покосившись на Прокофия Афанасьевича, все так же односложно ответил:

— Так.

Опять не услышав про свое благородие, полицейский чиновник, против ожидания, даже сердиться не стал. Уперся в столешницу своими немалыми кулаками, навис над хозяином дома и с искренним недоумением вопрошал:

— Ты, Вожин, как я погляжу, совсем страх божий потерял? Ты как с властью разговариваешь, олух царя небесного? Мне «горячих» тебе выписать для вразумления или как?

Дружескую беседу прервал звук шагов. Размеренно-громкий, он совершенно по-разному подействовал на всех, кто находился в горнице: предводитель общины тревожно шевельнулся, становой замер в неподвижности, а Марыся и ее муж совершенно успокоились. Вернее, успокоилась она, а ее муж и так особо не волновался. Увидев же его сиятельство, чета Вожиных дружно удивилась: в Олькуше Александр Яковлевич носил погоны штаб-ротмистра и всего один орден на груди.

— С кем имею честь?

На парочку незваных гостей появление офицера подействовало наподобие хорошей плюхи: кратковременный ступор и настороженно-ошеломленное молчание. Староста очнулся первым и с некоторой тоской поглядел на дверь. Господин пристав, в свою очередь, моментально оценил стоимость материала, из которого пошили мундир. Не ускользнуло от его опытного взгляда и сияние двух орденов на груди — Анны и Станислава, а также полнейшее отсутствие какого-либо волнения или недоброжелательности. Легкое удивление было, не без того.

— Становой пристав Золотов, Платон Алексеевич.

— Князь Агренов, Александр Яковлевич.

Четыре коротких слова сняли если не все, то уж точно большинство вопросов. Золотов и сам был из мелкопоместных дворян (хоть и простых, нетитулованных) — на его должность иных старались не назначать — и за свою полувековую жизнь успел повидать многое. В частности, ему моментально стало понятно, что молодой офицер носит свою форму по праву; он далеко не бедствует; гораздо выше его по сословной лестнице; и самое главное — может доставить ему кучу неприятностей. И как офицер, хотя бы и в отставке, и особенно как представитель высшей аристократии — только у них в каждом слове причудливо переплетались холодная вежливость и уверенная власть. Да и вообще, ротмистр в такие годы — это какая же лапа в верхах должна быть?

— Прошу прощения за беспокойство, мне донесли о... некоторых странностях в селе. Как я понимаю.

Пристав на мгновение прервался и метнул многообещающий взгляд на скукоживающегося на глазах старосту.

— Вышло небольшое недоразумение.

— Ничего страшного, Платон Алексеевич, бывает. Кстати, раз уж мы с вами свели знакомство, не окажете ли мне честь небольшой беседой? А ваш сопровождающий пока подождет вас за дверью.

Марыся, зачарованно наблюдавшая за происходящим в ее доме действием, очунулась только после небольшого тычка от мужа. Вскинулась, увидела его гримасу и кивок на пустой стол и тут же засуетилась, наполняя начавшуюся между полицейским чином и их гостем беседу вкусными и ароматными деталями.

— Прошу вас, располагайтесь поудобнее.

Золотов благодарно кивнул и заметно расслабился, настраиваясь на приятное общение. А за следующие полчаса он настолько пришел в себя, что даже осторожно поинтересовался: правда ли, что родовитый аристократ утруждал себя таким делом, как колка дров? Ну и прочими занятиями, несколько странными для князя и отставного ротмистра.

— Ну а что же в этом такого? Мне как-то по случаю рассказывали, что граф Толстой ходит босой. А одет и вовсе в крестьянскую рубашу-косоворотку и посконные штаны. Вот это действительно номер так номер!

— Ну, сей господин — известный затейник, нам ли на него равняться?

— Вы, вне всякого сомнения, правы. Хотя... Не так давно я был на охоте в Гатчине...

Пристав совершенно неожиданно для самого себя замер.

— ...и с удивлением узнал, что сам государь император иногда любит развлечься таким вот немудреным образом. Да и великие князья не брезгают подобным делом — по настроению, конечно.

От таких рассказов замерли вообще все присутствующие. Дальнейший разговор как-то сам собой свернул на нейтральные темы и стал понемногу угасать. Да и вообще, собеседник его сиятельства как-то внезапно вспомнил об ожидающих его делах и стал потихоньку собираться — успев между делом пообещать князю Агреневу присмотреть за его бывшим сослуживцем. Чтобы, значит, злые люди не обижали, и особенно из тех, кто властью не обделен. Попрощался, вышел за калитку... И тут же подозвал к себе исстрадавшегося в ожидании неприятностей старосту. Злорадно улыбнувшись, Марыся на пять минут прилипла к небольшому оконцу в сенях-прихожей, пытаясь разобрать все то «хорошее», что изливал на поникшую голову Прокофия Афанасьевича полицейский чин. К очень большому своему сожалению, так ничего и не услышала, но и увиденного оказалось вполне достаточно. Главный общинник всей своей фигурой излучал вселенскую тоску и печаль и явно очень сожалел о проявленном усердии. И надо сказать, излучение это заметно усилилось после того, как становой пристав соизволил потрясти своим пудовым кулачком возле носа старосты. Вернувшись в теплую горницу, хозяйка как раз успела услышать окончание легкого выговора-внушения, что делал офицер-пограничник своему бывшему денщику:

— Работа у него такая, за порядком следить. Понял?

— Понял, Александр Яковлевич. Растерялся я малость, чего уж там, вот и получилось невежливо.

— Ну а раз понял, недельки через две навести его с каким-нибудь гостинчиком, прояви толику уважения. Обязательно извинись, да в

общих чертах обрисуй, чем следующий год заниматься будешь. Все равно сам спросит, рано или поздно.

Проследив, как муж покосился на бутылку со сливовой наливкой, женщина догадалась, что именно получит в подарок становой.

— Александр Яковлевич, а вот то, что вы про царя-государя говорили, — оно и в самом деле так?

Утвердительный ответ хозяин дома переварил с заметным трудом и даже некоторой оторопью — вид императора Александра Третьего с колуном в руках и разбросанными вокруг поленьями в его голове не укладывался никак. Совсем никак, ибо рушил всю привычную картину мироздания, в которой император правил на благо своих подданных, военные да чиновники верно служили, а крестьяне пахали землю. Марысе же было не до удивления — вначале домой вернулась дочка, и ее тут же погнали мыть руки и испачканную в чем-то мордашку. Затем гость спустил со второго этажа весь свой невеликий багаж, и она вспомнила о необходимости собрать чего-нибудь в путь-дорогу. Так сказать, на недолгую, но очень вкусную память — и кусок свиного окорока в этом плане подошел как нельзя лучше. Увидев все эти сборы, к ним тут же подключилась Ульяна, подарив неродному, но уже вполне любимому дяде Саше свой альбом для рисования. На что он тут же поклялся повесить свой портрет на стене кабинета, в отдельной рамочке. Женщина слегка увлажнившись глазами проследила, как князь что-то шепнул на ушко ее дочери, отчего та просто расцвела, поцеловал ее в подставленную щечку и разрешающе кивнул мужу, уже применяющемуся к чемадану командира. Хорошего настроения Ульянке хватило ненадолго — хлюпнула носом, виновато улыбнулась и убежала в свою комнату. Следом за ней подалась и Марыся, успокаивать и отвлекать.

— Ну что, Александр Яковлевич, присядем на дорожку?

Вернувшись, глава семейства мазнул взглядом по столу, не увидев недопитой им наливки (непорядок!) и слегка расстроился. Машинально погладил котейку, выгнувшего спину от ласки, и обратил внимание на задумчивый взгляд командира, которым тот уставился на усатого полосатика.

— Ты знаешь, Савва, а кот-то у вас какой-то странный.

Хозяин моментально согласился, вспомнив, сколько обуви за последнюю неделю перепортила мурлыкающая под рукой мелочь.

— Молодой еще, дурной. Вы уж не сердчайте на него, Александр Яковлевич — скотинка бессловесная, что она может понимать?

— Да нет, я не про это. Ты хоть знаешь, что он не любит, когда я при нем крещусь?

— Правда, штоль?

Вместо ответа князь Агрневу подошел чуть поближе и размашисто наложил на себя крестное знамение. А его бывший денщик от-

четливо почувствовал, как на какое-то мгновение у него под руками дернулся Васька.

— Это как же так, а?

— Ну-ка, определи его на вон ту лавку!

Мужчина в самом расцвете сил и возраста растерялся как маленький ребенок. Но все же без дальнейших вопросов и промедления выполнил все, что было указано, усадив домашнего любимца подальше от себя. А его сиятельство огляделся по сторонам, немного нахмурился и снял со стены отцово наследство. Резко подошел, выставил крест перед собой... Савватей в полном ошеломлении смотрел, как, вздыбив шерсть и шипя, словно три гадюки сразу, его кот задним ходом подался на выход из угла, в одно мгновение перемахнул немаленькую горницу и скрылся за печкой.

— По мне, так зря ты его в доме держишь. Ну да ладно, то дело твое. Поехали?

ГЛАВА 2

Александр шел по слегка заснеженным улицам Санкт-Петербурга и старался ни о чем не думать, отдыхая после очень сложного двухчасового разговора. Встреча с солнцем русской химии и патриархом мировой науки господином Менделеевым принесла ему не только много радостных эмоций, но и некоторую головную боль, а также определенный сумбур в мыслях. Так как Дмитрий свет Иванович, после всех тех интересных сведений и не менее интересных заказов, что вывалил на него князь Агрнев, вполне закономерно записал своего титулованного работодателя в особы, «имеющие некоторое представление о химии». Итогом такого признания стало то, что великий ученый несколько расслабился и стал обильно уснащать свою речь профессиональным сленгом химиков. Соответственно, и понимать его стало в разы и разы сложнее. Так как некоторые сокращения и термины, общепринятые в химической науке девятнадцатого века, звучали для Александра непонятной абракадаброй. Или вообще сущей ересью — с точки зрения правоверного (хоть и сильно недоучившегося) студента-химика, получавшего свои знания на стыке двадцатого и двадцать первого веков.

«А пару раз так и вообще ничего не понял! Зато запомнил. Ладно, найду в букинистическую лавку и поищу какой-нибудь справочник. Или словарь, русско-химического языка».

Зато теперь он знал, что просить Менделеева рассказать о чем-либо поподробнее очень опасно — тот самый случай, когда надо бояться своих желаний. Иначе вполне возможен кратковременный

паралич мозга, пытающегося поддержать беседу на должном уровне, да и общий ступор организма просто-таки гарантирован.

Главным же итогом нынешнего утра стали три события — одно крупное и два сравнительно мелких. Первое: он своими руками потрогал опытную модель ацетиленовой горелки, перед тем как ее стали готовить к отправке в Сестрорецк. И второе: вскоре в Варшавский окружной военной госпиталь повезут на клинические испытания сразу четыре килограммовые банки кислоты. Разумеется, не какой-нибудь там серной или борной (зачем бы она там была нужна), а совсем даже ацетилсалициловой. Но чтобы не мучить знакомого доктора медицины столь зубодробительным названием, Александр подписал банки проще — «Аспирин». Месяца через полтора, кстати, по тому же адресу отправят еще одну кислоту, на сей раз аскорбиновую. Ну и самое главное — великий химик согласился возглавить институт имени себя. Точнее, пока всего лишь скромный исследовательский центр, именуемый еще более скромно — лабораторией Менделеева. Надо сказать, Дмитрий Иванович долго не соглашался, находил веские причины и постоянно ссыался на свою вечную занятость вопросами науки... Первый раз он засомневался, когда узнал, что у него будут сразу два заместителя — по административной части и вопросам снабжения. Второй — когда ему сказали, что учеников-помощников, вернее, их денежное содержание возьмет на себя компания РОК. Третий — когда узнал, что в Кыштыме под производством пироколлодия и удобрений его рецептуры строят целый химический комплекс и конечно же он будет на нем самым желанным гостем. Было еще и четвертое, и пятое, и даже шестое, но окончательно его добил тот факт, что его попросили выбрать место, где будут (ежели он только даст свое согласие, разумеется) ставить-строить саму лабораторию и два дома-коттеджа для его жен.

Вспомнив весьма своеобразное семейное положение знаменитого на весь мир ученого, Александр улыбнулся. И почувствовал, что понемногу приходит в себя.

«Даже тут проявилась его оригинальность! Развестись с одной, жениться на другой и продолжать как ни в чем не бывало общаться с первой. Зачастую завтракая с Анной Ивановной, обедая с Феозвой Никитичной, а ужиная опять же в обществе молодой супруги. К тому же, насколько я понял, они и на отдых в Крым ездят таким своеобразным трио. И дети между собой дружат. Одно слово — настоящий самец!»

Уже подходя к зданию юридической конторы «Лунев, Лунев и сыновья», молодой мужчина немного замедлил шаг, на пару мгновений задумался, после чего вообще остановился. Постоял так несколько минут, тряхнул головой, приходя в себя, и спокойно продолжил свой путь. Параллельно вспоминая, сколько раз за прошедший год

его сравнили с демоном-искусителем. По всему выходило, что много: так много, что он даже не смог подсчитать. Он соблазнял перспективами и намеками, играл словами и смыслом фраз так, что его собеседники неизменно оставались довольны, считая, что его предложения в первую очередь несут выгоду именно им. К примеру, те химики, которых рекомендовал его недавний собеседник, соблазнились материальным достатком (тоже, если подумать, не последняя вещь) и возможностью свободного творчества. То, что темы и направления этого самого творчества определял работодатель, их ни в коем разе не смутило. А многочисленных знакомцев неугомонного Герта, с завидной регулярностью появлявшихся на его горизонте, он даже и не пытался хоть как-то соблазнять — наоборот, те сами были готовы доказать свою полнейшую необходимость и предоставить самые лестные (для себя, естественно) рекомендации.

Подойдя к небольшому крыльцу при входе в контору, Александр без малейшего удивления констатировал, что дела у почтеннейшего Вениамина Ильича идут все лучше и лучше. Старая двустворчатая дверь, покрашенная в темно-бурый цвет, бесследно пропала, и на ее месте гордо сверкали любовно начищенными бронзовыми ручками (скорее уж поручнями) две новенькие лакированные дубовые створки. Неплохо смотрелась и табличка рядом с ними, извещающая любого, кто только мог читать, о приемных часах. Но лучше всего выглядел швейцар, плавно и в то же время быстро открывший ему дверь и не забывший при этом почтительно склонить голову.

«Интерьеры, как я посмотрю, тоже освежил. И молодежи добавилось — в прошлый мой визит народу в конторе было заметно меньше, а возрастом — заметно старше. А вот и хозяин».

Выглядел личный юрист князя Агренева не очень. Слегка похудел, под глазами просматривались еле заметные тени, да и вообще здоровым видом не блистал, но держался бодрячком, встретив долгожданного гостя ровно посередине своего кабинета. Поприветствовал, дождался ответной вежливости и с места в карьер начал обсуждение накопившихся дел:

— Александр Яковлевич, ну наконец-то! Я уж раза два в Сестрорецк ездил, справлялся, когда вас можно ждать.

— Позвольте узнать причину такого нетерпения?

Причина, а вернее, даже повод искать встречи со своим клиентом у стряпчего был вполне уважительный: потомки героев Эллады решили приобрести двадцать пять тысяч винтовок Мосина — Агренева МАг, столько же револьверов «Грав», ну и боеприпасы ко всему этому богатству. Причем в количествах просто неприличных — примерно на год интенсивных боев всей греческой армии, к тому же в полном окружении. Еще они спрашивали про кое-какую амуницию и возможность рассрочки. Ну и сроки исполнения. Причем последнее

интересовало так, что они едва ли не подпрыгивали от нетерпения. На грани этого был и Вениамин Ильич, так как упустить такой контракт... Точнее будет сказать — любой контракт, где ему полагались приличные комиссионные. Так вот, это было просто выше его сил.

— Понятно. Скажите, а эти господа в курсе, что предлагаемая им винтовка несколько отличается от победившего на недавнем конкурсе образца?

— Да, и не имеют ни малейших претензий. Даже, я бы сказал, наоборот — им очень понравились эти отличия.

— Н-да. Ну что же, начинайте готовить бумаги, точные сроки я назову после беседы со своим управляющим.

Юрист слегка замялся:

— Совсем забыл вам сказать, Александр Яковлевич. Я уже имел с ним разговор касательно этого вопроса. Андрей Владимирович твердо заверил меня, что ему представляется вполне возможным выделить всю партию в полгода. И бумаги давно уже готовы. Собственно, все мы ждем вашего решения...

— И все-таки, с вашего позволения, Вениамин Ильич, вначале я должен принять доклад управляющего. Впрочем, и затягивать это дело тоже нельзя, так что назначайте встречу с греками на послезавтра.

Стряпчий прямо на глазах стал выздоравливать: в глазах появился довольный блеск, а на лице — легчайший румянец.

— Слушаюсь. С вашего позволения, я продолжу?

Чем дальше говорил Лунев, тем больше понимал князь причины столь нездорового вида своего собеседника. Начинаясь сидеть юрист потрудился и сделал столько, сколько и десятку молодых не зазорно сделать. Отправил нескольких своих подчиненных в далекую Испанию — там внезапно решили перевооружить свою армию чем-нибудь поновее и организовали соответствующие испытания и конкурс. Отслеживал аналогичные испытания в Чили — они как раз подходили к своему завершению. И вроде бы месяца через три стоило ждать гостей из Латинской Америки, так как изделие герра Манлихера чилийскую военщину не устроило, а другие претенденты смотрелись еще бледнее. Помимо дел оружейных, Вениамин Ильич не забывал и о других своих обязанностях, все так же добросовестно окучивая отечественных и иностранных предпринимателей на предмет продажи им лицензий. Правда, делал это все больше руками своих подчиненных, число коих не так давно перевалило за шесть десятков человек. Разумеется, не забывал он и отдыхать от трудов праведных — в основном в Москве и ее пригородах, где подыскивал для своего клиента лакомые кусочки недвижимости...

— Вот, для простоты восприятия я отметил на карте города все интересные нам участки земли.

— А что означают эти цифры?

— Это я для порядка, Александр Яковлевич, чтобы ничего не упустить и не перепутать.

Шлеп!

На карту улеглась стопка исписанной бумаги, с характеристиками возможных приобретений. Места для постройки доходных домов, для размещения будущих заводов и магазинов, ну и на отдельном листке — для устройства московской резиденции князя Агренева.

— Если приобрести городскую землю в Большом Харитоньевском переулке, то будет место под застройку, причем совсем рядом с Мясницкой. Чуть подалее, в Пречистенской части, а еще точнее, в Гагаринском переулке — усадьба Нащокиных. Почти в десятину размером и всего за полтораста тысяч. Еще чуть дальше, на углу со Староколюшенным, два участка у князя Гагарина — полторы десятины, двести шестьдесят тысяч на ассигнации. В той же части есть еще две усадьбы: Афросимовых, с хорошими строениями и обстановкой, в Обуховом переулке, за двести сорок тысяч, и задами к ним, в Денежном переулке, у Ермоловых — тоже в прекрасном состоянии, с садом, и всего за сто тридцать тысяч. — Докладчик на мгновение замялся. Глянул на карту, листнул записи и тут же продолжил: — Также есть несколько больших и при этом недорогих домовладений в Арбатской части, у Спиридоновки и Поварской. И вариант с покупкой городской земли в Огородной слободе и Большом Харитоньевском. Конкретных переговоров о цене провести не успели, но если надо...

Молодой аристократ несколько минут помолчал, после чего утвердительно кивнул — надо.

— Теперь по поводу ваших финансов.

Стряпчий встал, дошел до громадного стального сейфа, по какому-то странному недоразумению называемого просто несгораемым шкафом для ценных бумаг, и с некоторой натугой открыл правую створку. Пошуршал многочисленными укладками и папками с пружинным переплетом (некоторые новинки он успевал оценить самым первым) и вернулся обратно.

— Вот-с, прошу — детальный отчет по всем вашим счетам.

Судя по некоторым ноткам в голосе Вениамина Ильича, вначале он хотел добавить что-то вроде «тем, которые мне известны». Но природная скромность все же оказалась сильнее мимолетного любопытства. Убрав в сторону очередную порцию важных бумаг, Александр жестом попросил продолжать дальше, но вместо этого Лунев опять отправился к своему огнеупорному шкафчику.

— Письма от господ Лодыгина, Вестингауза и Теслы. А в этом пакете — подробнейший доклад Арчиальда о текущем состоянии дел.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...	9
ОРУЖЕЙНИКЪ	325
ПРОМЫШЛЕННИКЪ	597